

НАТАЛИ АРЕНБРИСТЕР

ПО
ЧАСТЯМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

18+

Натали Аренбристер

По частям

«Автор»

2026

Аренбристер Н.

По частям / Н. Аренбристер — «Автор», 2026

В небольшом городе начинают пропадать дети. Ни свидетелей, ни требований, ни тел — только странные следы, снова и снова ведущие к старым шахтам. Расследование поручают детективу, который уже знает: иногда самые невозможные версии оказываются единственно верными. Под землей его ждет нечто, чему трудно дать имя. Люди видят то, чего не должно существовать. Отражения перестают совпадать с реальностью. Знакомые лица вызывают ужас, а один неосторожный взгляд может оказаться приглашением. И словно этого недостаточно, рядом появляется священник, которого никто не звал. Он знает дорогу в шахты, знает правила и, кажется, совершенно не боится того, что там находится. Чтобы остановить происходящее, детективу придется снова поверить в невозможное. Но на этот раз невозможное уже смотрит в ответ.

© Аренбристер Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Перевод	5
Глава 3. Птицы	34
Глава 4. Повтор	44
Глава 5. Свидетель	58
Глава 6. Подвал	67
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Натали Аренбристер

По частям

Глава 1. Перевод

Город встретил его без приветствия.

Без таблички, без ощущения, что ты куда-то приехал. Просто дорога стала уже, асфальт грубее, а воздух как будто тяжелее, чем должен быть.

Детектив отметил это автоматически. Не потому что хотел. Потому что мозг все еще работал по старым привычкам, даже если сам он уже не был уверен, что эти привычки ему принадлежат.

Он ехал молча. Радио выключено. Телефон на беззвучном. Чем ближе к городу, тем меньше хотелось слушать хоть что-то.

Навигатор замолчал раньше, чем следовало. Сигнал пропал на подъезде к сосновому перелеску, через который дорога спускалась вниз, к серой котловине. Город лежал именно там. Не раскинувшись, не вытянувшись вдоль реки, не выстроившись вокруг площади. Он как будто просто осел в земле, не решив до конца, хочет ли вообще быть городом.

Слева мелькнул заброшенный павильон с выбитым стеклом. За ним стоял столб с перекошенной вывеской, но буквы выцвели так, что слово уже не читалось. Чуть дальше начались частные дома. Старые, низкие, местами обшитые новым сайдингом, местами облезлые, с кривыми теплицами и ржавыми качелями. Ничего необычного. И все же он сразу почувствовал то, что почувствовал бы не каждый.

Здесь многое не удерживалось.

Взгляд скользил по окнам, по заборам, по сетке на столбах, по старым детским велосипедам, брошенным у калиток. И на каждом предмете оставалось странное ощущение незавершенности. Как будто все это существовало не полностью, а по привычке. Не разваливаясь, но и не закрепляясь до конца.

Он остановился у здания местного отдела полиции. Одноэтажная пристройка, серый кирпич, облупившаяся вывеска, два флага, один из которых повис без ветра, как мокрая тряпка. На ступеньках курил худой мужчина в синей форменной куртке. Увидев машину, он выбросил окурок и спустился навстречу.

Детектив вышел не сразу. Сначала посмотрел в зеркало заднего вида. На свое лицо. На бледность, которую уже не прятал загар. На следы недосыпа под глазами. На тонкую линию шрама у виска, где кожа до сих пор иногда немела в холодную погоду. Потом открыл дверь.

Мужчина протянул руку.

Добрались. Я Старостин. Замначальника. Начальник сегодня в районе, будет к вечеру.

Рука у него была сухая, неприятно легкая. Лицо из тех, что не запоминаешь. Слишком обычное. Лет сорок с чем-то, редкие волосы, спокойный взгляд человека, который либо давно устал удивляться, либо просто не умел.

— Проводите, - сказал детектив.

— Конечно. Вам кабинет пока отдельный не выделили, посидите у нас в архивной. Там потише.

Потише. Отличное слово для ссылки.

Он вошел внутрь. В коридоре пахло пылью, дешевым моющим средством и старой бумагой. Лампочки под потолком горели неравномерно, одна мигала с ленивой периодичностью. Из-за полуоткрытой двери слева доносился смех, потом короткая ругань, потом кто-то хлопнул по столу. Обычная жизнь отдела. Настолько обычная, что это почти раздражало.

Старостин шел впереди и говорил тем тоном, каким обычно разговаривают с переведенным из центра человеком. Вежливо, чуть натянуто, с обязательной попыткой заранее обесценить ситуацию.

— Город у нас маленький. Серьезного почти ничего. Пьяные драки, семейное, кражи по мелочи. Подростки шалят. Последние недели, правда, шум поднялся. По детям.

Он не ответил. Просто посмотрел на него.

Старостин тут же отвел глаза.

— Ну, вы, наверное, уже читали справки. Двое числятся пропавшими. Третий вроде сам объявился. Хотя там история мутная.

— Сколько времени нет первых двоих?

— Девочка девять дней. Мальчик пять. Возраст двенадцать и десять.

— Последний раз где видели?

— По-разному. Девочку возле старого техникума. Мальчика около рынка. Но это со слов. Камеры у нас, сами понимаете.

Да, он понимал. Когда в деле звучит "со слов", это почти всегда значит, что через сутки показания начнут расползаться, как мокрая краска.

Архивная оказалась бывшей кладовкой с окном во двор. Там стояли железный шкаф, стол, два стула и старый электрический чайник, на котором слой накипи выглядел древнее самого здания. На подоконнике лежала стопка папок идохлая муха.

Старостин положил перед ним ключ от шкафа.

— Тут материалы по пропавшим, рапорты, опросы. Если что нужно, скажете.

— Нужно, чтобы мне не мешали.

— Это без проблем.

Старостин замялся у двери.

— И еще. Местные... ну, они сейчас нервные. Особенно после животных.

— Каких животных?

— Да всяких. Собаки пропадают. Куры, кошки. На окраине нашли двух коз. Будто кто-то порвал, но мясо почти не тронут. Ветеринары ничего толком не сказали. Ну, знаете, деревня. Тут сразу слухи.

— Какие слухи?

— Шахты, конечно.

Детектив медленно поднял на него взгляд.

— Под городом старые выработки. Заброшенные. Формально туда нельзя. Подростки, естественно, лезят. Кто-то сказал, что видели свет. Кто-то слышал. Ну и понеслось. У нас народ любит мрак.

— Я тоже.

Старостин слабо усмехнулся, не поняв, шутка это или нет.

— Тогда вы на месте.

Когда дверь за ним закрылась, детектив сел и несколько секунд просто смотрел в стену. Не в папки. Не в окно. В побеленную поверхность с желтым пятном у розетки, как будто кто-то много лет курил именно здесь, упершись взглядом в одну точку.

Он не хотел сразу открывать дела.

После прошлой истории любое исчезновение ребенка автоматически начинало расти в голове быстрее, чем в реальности. А он слишком хорошо знал, что такое испорченная оптика. Сначала ты видишь закономерность там, где ее нет. Потом перестаешь видеть ее там, где она уже жрет тебе затылок.

Он открыл верхнюю папку.

Пропавшая: Горина Лера, 12 лет.

Фотография была плохой, с телефона, распечатка в серо-зеленом тоне. Девочка стояла боком, одной рукой держась за раму качелей. Худое лицо, темные волосы, выражение не по возрасту закрытое. На одном колене рваная джинсовая ткань, на запястье несколько дешевых браслетов. Из тех детей, которым рано надоело быть детьми.

Он пролистал дальше. Мать в показаниях путалась. Сначала говорила, что Лера ушла после обеда "к подруге". Потом оказалось, что подруга ее в тот день не видела. Последним девочку видел сосед, около старого техникума, где она якобы сидела на бетонном блоке и с кем-то переписывалась в телефоне. Телефон позже нашли. Разбитый. В кустах за забором, в ста метрах от техникума. Никаких следов борьбы. Никакой крови. Последнее сообщение удалено.

Он открыл вторую папку.

Пропавший: Мухин Даня, 10 лет.

У этого лицо было совсем другое. Живое, глуповатое, доверчивое. Уши чуть торчат, улыбка с недостающим зубом. На последнем фото он держал в руках черного котенка. Котенка потом не нашли.

Даня пропал вечером. По словам бабки, вышел "на пять минут за хлебом", но до магазина не дошел. Пакет с деньгами нашли на обочине за гаражами. Хлеб так и остался некупленным. Камер нет. Свидетелей почти нет. Один подросток сказал, что видел "какого-то длинного человека" возле пустыря, но после дополнительного опроса начал путаться, ржать и говорить, что его не так поняли.

Детектив откинулся на спинку стула и закрыл глаза.

Двое детей. Минимум улик. Зато максимум воздуха, в котором уже начинают бродить мерзкие версии. Похищение. Маньяк. Сектанты. Побег. Подземные ходы. Дикая собака. Сатана, разумеется. Без него провинция жить не умеет, ей всегда нужен хотя бы один козел мистического разлива.

Он вытащил из внутреннего кармана пачку сигарет, повертел ее в пальцах и убрал обратно. Не курил уже месяц. В клинике убрали почти все привычки, которые хоть как-то связывали его с прежней жизнью, и почему-то именно это бесило сильнее всего. Не таблетки. Не режим. Не бесконечные беседы с женщиной в сером кардигане, которая задавала вопросы так, будто рыла руками землю. Нет. Его бесило то, что после них он начал замечать моменты, когда тянется за сигаретой не потому, что хочет, а потому, что раньше в таком месте уже тянулся.

Он встал и подошел к окну.

Во дворе отдела стояли две разбитые служебные машины, куча старых покрышек и клетка, в которой когда-то держали служебную собаку. Сейчас она пустовала. На дальнем краю двора, у забора, сидел рыжий кот. Слишком худой. Он не вылизывался, не щурился на солнце, не дремал. Просто сидел и смотрел в одну точку, на сарай за мусорными баками.

Детектив проследил его взгляд.

Ничего.

Когда он посмотрел снова, кот уже ушел.

За дверью послышались шаги. Потом стук.

— Да.

В комнату заглянула девушка в форме. Совсем молодая, с собранными в тугий хвост светлыми волосами и тем выражением лица, которое бывает у людей, еще не привыкших к тому, что любую дурь здесь придется слушать всерьез.

— Вам чай или кофе? Нам сказали, вы с дороги.

— Воды.

— Сейчас принесу.

Она не ушла.

— Что-то еще?

— Я Соня. Ну, то есть Софья. Я тут... помогаю. С документами, с опросами. Если по детям нужно, я часть родителей уже видела.

— Видела или опрашивала?

Она слегка покраснела.

— И то, и другое.

— Хорошо. Принесите воду и все, что не вошло в папки. Черновики тоже.

— Есть.

Она снова задержалась.

— Вы правда из того дела?

Он посмотрел на нее так, что любой человек постарше уже понял бы, что сейчас надо уйти. Но молодость отвратительно любопытна.

— Из какого?

— Ну... из большого. Где там... учреждение. И люди. И...

— Софья.

— Да.

— Вода.

Она кивнула и исчезла.

Он вернулся к столу и открыл карту города. Цветная распечатка, выданная администрацией, выглядела так, будто ее рисовали люди, которым важно было обозначить дороги, но не реальность. Рынок. Школа. Дом культуры. Старая больница. Частный сектор. Техникум. Зброшенный карьер. Внизу тонкой штриховкой отмечена зона старых шахт. Подпись: "Объект законсервирован". Отлично. То есть лезть туда будут все, кому не лень.

Он обвел пальцем места исчезновений. Они не складывались ни в линию, ни в треугольник, ни во что из той херни, на которую так любят молиться дилетанты. Но оба были ближе к южной части города, к старой промышленной зоне. Там же значились техникум, пустырь, гаражи и спуск к выработкам.

Слишком удобно.

Когда Софья вернулась, в одной руке у нее был стакан воды, в другой стопка бумаг. Она положила все на стол, потом чуть помедлила и тихо сказала:

— У нас тут еще было кое-что. Неофициально. Я не стала в папки подшивать.

— Почему?

— Потому что Старостин сказал, это мусор.

— Покажите мусор.

Она достала из середины листок. Обычная тетрадная страница, вырванная неровно, с детским почерком. Не заявление. Не показание. Что-то вроде объяснительной, написанной на скорую руку.

— Это брат Леры. Ему восемь. Он сперва молчал, а потом написал. Сказал, что не хочет говорить.

Он прочитал.

"Лера сказала не смотреть в лужу у забора. Потому что там шевелится небо. Потом она ушла вечером. У нее было лицо как когда она врет. Еще она сказала что под школой кто-то ходит на руках".

Детектив перечитал дважды.

— Когда это написано?

— На третий день после исчезновения.

— Почему я вижу это только сейчас?

Софья пожала плечами.

— Потому что Старостин сказал, ребенок фантазирует. И мать сказала, он и так впечатлительный.

— А вы?

— А я думаю, что дети чаще врут не там, где взрослым удобно.

Он посмотрел на нее внимательнее. Молодая, да. Но не дура.

— Еще что-нибудь?

— Подростки. Они часто крутятся у шахт. Если хотите, я могу дать фамилии тех, кто там бывает.

— Дайте.

Она быстро выписала несколько имен на стикер.

— И еще одно, - добавила она, уже у двери. - Вчера в город приехал священник.

— Это должно меня впечатлить?

— Нет. Просто... он странный.

— В каком смысле?

— В таком, что все говорят, будто он неприятный, а потом через пять минут начинают его защищать.

— Это не странность. Это харизма.

— Нет. Там другое. Как будто сначала от него хочется закрыть дверь. А потом слушать.

Она ушла, а он еще несколько секунд смотрел на пустой проем.

Прекрасно. Пропавшие дети, дохлые животные, заброшенные шахты и сомнительный священник. Если добавить пару местных идиотов с доской для вызова духов, провинциальный хоррор можно отправлять в печать прямо сейчас. Люди сожрут, захлебываясь восторгом, потому что обожают, когда зло можно оформить в понятные атрибуты. Ряса, тоннель, кровь, полнолуние. Какая пошлая, жалкая роскошь.

Он посмотрел на часы. До вечера было еще далеко.

Первые два часа ушли на разговоры. С матерью Леры, которая то рыдала, то начинала агрессивно повторять, что дочь "никогда бы сама не ушла", хотя по материалам было видно: девочка как раз из тех, кто вполне мог уйти назло всему миру, если бы захотела. С бабкой Дани, у которой дрожали руки так сильно, что чай выплескивался на блюде. С соседом, видевшим Леру у техникума. С продавщицей из магазина, которая "кажется, видела Даньку за день до того", но потом выяснилось, что вообще путает его с другим мальчиком.

К вечеру в голове остался мерзкий осадок. Не от безысходности. От пустоты между фактами. Как будто кто-то аккуратно вынул из истории важные связки, а остальное оставил валяться как попало.

Старостин зашел ближе к шести.

— Поедете по адресам еще сегодня?

— Поеду к техникуму.

— Уже темнеет.

— Отлично.

Старостин потер переносицу.

— Я могу дать кого-то с вами.

— Не надо.

— Там пацанва вечерами.

— Еще лучше.

Тот явно хотел сказать что-то про осторожность, но сдержался.

— Тогда возьмите хотя бы фонарь. Наши там вчера были, света почти нет.

— Ваши вчера что нашли?

— Ничего.

— Значит, сегодня будет интереснее.

Старостин вздохнул так, будто перед ним сидит не живой человек, а направление бедствия.

Техникум стоял на южной окраине, там, где город переставал даже пытаться казаться целостным. Старое здание в три этажа, кирпич потемневший, окна частично выбиты, спортивная площадка заросла высокой травой. С одной стороны бетонный забор с обвалившимися плитами, с другой пустырь, где чернели металлические коробки гаражей. Дальше, за ними, виднелись провалы в земле и косой ряд фонарных столбов, давно не работавших.

Он оставил машину у дороги и пошел пешком.

Вечер здесь чувствовался иначе. Не мягче, не тише. Просто предметы быстрее теряли очертания. Трава темнела раньше, чем небо. Окна проваливались в черноту, как пустые глазницы. Где-то далеко, у частных домов, лаяла собака. Потом внезапно оборвалась.

Он остановился у бетонного блока, на котором, по словам соседа, сидела Лера. Под ногами хрустели стекла. Рядом валялись окурки, баночка из-под энергетика, обрывок синей ленты, кем-то привязанной к арматуре. Ничего.

Он посветил фонарем вдоль забора. В одном месте земля была чуть провалена, словно под слоем травы проходила старая дренажная канава. Еще дальше между кустами виднелся пролом в сетке.

Детектив пролез внутрь.

За забором шла полоса кустарника и заросший склон, спускавшийся к ржавым трубам. Здесь нашли телефон. Он медленно осматривал землю, ветки, клочки полиэтилена, пятна сырости на бетонных кольцах. Не надеясь на чудо, просто по привычке собирая картину ногами.

Шаг. Свет. Коряга.

Шаг. Свет. Бутылка.

Шаг. Свет.

Он замер.

Справа, в луже между плитами, дрогнуло отражение.

Ничего особенного. Просто ветер. Или его тень. Или что-то еще, что нормальный человек сразу списал бы на вечерний свет.

Но он не был нормальным человеком уже довольно давно.

Он подошел ближе и направил луч в воду. В луже отражалось небо, край техникума, темный силуэт кустов и его собственный фонарь. Все как положено. Однако на долю секунды ему показалось, что по поверхности прошло не искажение, а движение из глубины. Не вниз от капли, не в сторону от ветра. Снизу вверх. Как будто под отражением что-то развернулось.

Он присел на корточки.

Лужа была мелкой. Грязная вода, масляная пленка, пара листьев. Он смотрел не мигая еще секунд десять, пока не почувствовал тупое, знакомое раздражение на самого себя.

Вот так это и начинается. Ты смотришь на ерунду слишком долго. Потом мозг, этот сломанный театр абсурда, милостиво подбрасывает тебе движение. Намек. Форму. И ты уже на крючке.

Он встал, сделал шаг назад и тут услышал смех.

Подростки.

Трое. Они шли со стороны гаражей, с фонариком и колонкой, из которой тихо сипела какая-то мерзкая электроника. Один высокий и тощий, второй в широкой куртке, третий пониже, с бритым затылком. Увидев его, они резко затормозили.

— О. Мент, - сказал низкий.

— Удивительный уровень аналитики, - ответил детектив. - Здесь часто собираетесь?

Высокий пожал плечами.

— Иногда.

— В шахты лазите?

— А что, нельзя?

— Формально нельзя.

— Формально у нас полгорода жить нельзя, и ничего.

Хорошо. Один из тех, кто думает, что цинизм придает ему интеллект.

— Как зовут?

— А вы сначала скажите, кто вы.

— Тот, кто может оформить вам ночь в обезьяннике, если вы сейчас решите поиграть в остроумие.

Они переглянулись. Бритый усмехнулся, но уже без задора.

— Егор, - сказал высокий. - Это Витя. Это Жук.

— Жук?

— Прозвище.

— Мой мир рухнул.

Он показал им фотографии Леры и Дани на телефоне.

— Видели?

— Леру видели раньше, - сказал Егор. - Она здесь иногда сидела. С пацанами. С нами тоже пару раз.

— Даню?

— Нет. Он мелкий.

— Что здесь интересного?

— Ничего. Поэтому все сюда и ходят.

— В шахтах были недавно?

Они замялись.

— Были, - сказал Жук. - Но недалеко. Там часть завалена.

— Что видели?

— Темноту, прикинь.

— И?

— И воняет там.

— Чем?

Жук снова переглянулся с друзьями.

— Сырым мясом, что ли. Не знаю.

Высокий перебил:

— Да он гонит. Просто тухлятиной.

— А звук? - внезапно спросил бритый, до этого молчавший.

Детектив перевел взгляд на него.

— Какой звук?

Тот засунул руки в карманы.

— Там иногда как будто... когтями по стене. Только не по одной. Будто много.

Жук резко ткнул его в плечо:

— Заткнись, дебил.

— Почему?

— Потому что щас опять начнется.

— Что начнется?

Жук посмотрел на детектива и нехотя сказал:

— У нас пацан один видел хрень в зеркале. И теперь всех достает.

— Кто?

— Леха. Он тут живет, на Южной. Но он ебанат, вы не слушайте его.

— Какую хрень?

Егор шумно выдохнул.

— Да не в зеркале даже. В стекле. Они в подвал лезли, там кусок двери железной и стекло на ней. И Леха сказал, что сзади кто-то был. Только сзади никого. Потом он увидел, что у того, кто в отражении, рук больше. Ну и все. Теперь он либо бухой, либо молится.

— Смешно?

Никто не ответил.

— Лера знала про это?

— Она со всеми тусила, - сказал Егор. - Но в последнее время стала странная.

— В каком смысле?

— Смотрела все время куда-то вниз. Не под ноги. Ниже. Как будто там еще что-то. И говорила, что нельзя долго стоять у провалов.

— Каких провалов?

Он показал рукой на дальний край пустыря, где земля в одном месте просела заметнее, образовав черную воронку среди травы.

— Там старый ход.

— Она туда спускалась?

— Не знаю.

— А вы?

Молчание.

— Понятно. Покажете.

— Сейчас? - у Жука заметно сел голос.

— А когда? На пенсии?

Они явно не хотели. Это было видно слишком хорошо, чтобы списать на подростковое сопротивление власти. Им было не лень, не скучно, не впадлу. Им было неприятно.

Воронка оказалась не просто провалом, а спуском к замурованному когда-то входу. Бетонная арка частично обрушилась, плиты разошлись, оставив черный проем высотой чуть больше метра. Внутри пахло мокрой землей, железом и той самой сладковатой нотой, которую люди часто не могут сразу определить и потому называют просто тухлятиной.

Детектив посветил внутрь.

Тоннель уходил вниз под небольшим углом. По стенам стекала вода. На полу рельсы, почти утонувшие в грязи. Следы были, но старые и сбитые. Разобрать, кто и когда тут ходил, сейчас было почти невозможно.

— Далеко не идем, - сказал он.

— Я вообще не иду, - выдавил Жук.

— Тогда стой и радуйся жизни.

Он полез первым. За ним нехотя двинулись двое, кроме Жука, который остался наверху, нервно посвистывая себе под нос. Фонарь выхватывал из темноты мокрые кирпичи, железные скобы, местами гнилые балки. Через десять метров потолок поднялся, проход расширился. Здесь уже можно было идти почти в полный рост.

И здесь впервые стало действительно тихо.

Не просто беззвучно. Тихо так, будто все внешние звуки обрубил ножом. Сверху больше не было ни собак, ни ветра, ни далекой трассы. Только капли воды. И еще что-то, что он сначала не смог определить.

Шорох.

Очень слабый. Как будто пальцы быстро перебирают по сырой ткани.

— Слышите? - спросил он.

Егор сразу ответил:

— Да.

Витя промолчал, но посветил в темный боковой ход так резко, что луч дрогнул.

— Откуда?

— Не знаю.

Шорох прекратился.

Они сделали еще несколько шагов. На стене справа белела старая известковая полоса, а ниже кто-то мелом написал слово "смотри". Буквы потекли от влаги, но читались ясно.

— Ваше творчество?

— Нет, - слишком быстро сказал Витя.

Детектив приблизился к надписи. Мел свежий. Максимум день-два.

Ниже, прямо под словом, на кирпиче было что-то еще. Он провел пальцем по влажной поверхности. Остатки клея. И тонкий светлый волос, прилипший к нему.

Он поднял руку ближе к фонарю.

Не собачий. Человеческий.

— Назад, - сказал он.

— Что?

— Назад. Сейчас.

Они не спорили. На обратном пути Егор дважды оглянулся через плечо. Один раз слишком резко, как от звука. Но когда детектив обернулся тоже, позади была только темнота и медленно падающие с потолка капли.

Наверху Жук курил, дрожащей рукой прикрывая огонек ладонью.

— Ну что? - спросил он.

— Кто здесь был вчера или сегодня?

— Да все могут, - ответил он. - Там проход не один. Можно со старой мойки выйти.

— Кто из вас знает Леху?

— Я знаю, - сказал Егор. - Он дома, наверное. Его мать почти не выпускает.

— Адрес.

Когда он сел в машину, уже стемнело окончательно. На секунду ему захотелось не ехать ни к какому Лехе, а вернуться в отдел, выпить горький автоматный кофе и разобрать волос, найденный на стене, через лабораторию. Как поступают приличные, рациональные люди, которые не лезут в подполья на первом же вечере в чужом городе.

Но приличные, рациональные люди очень редко доживают в его работе до возраста, когда начинают плохо спать.

Дом Лехи оказался в старой части города, возле церкви, которую он заметил только сейчас. Небольшая, светлая, с недавно перекрытой крышей и темным крестом, черневшим на фоне сизого неба. На церковном дворе горел один фонарь. Под ним кто-то стоял.

Детектив сначала не понял, что именно его цепляет. Потом дошло.

Человек не двигался вообще.

Он припарковался у соседнего дома и, прежде чем выйти, еще раз посмотрел на фигуру. Высокий мужчина в темной рясе. Лицо в тени. Руки сложены впереди. Просто стоит и смотрит в сторону улицы, будто знал, что сюда сейчас приедут.

Отвратительно театрально. Будто город специально собрал ему набор дешевых символов и теперь, ухмыляясь, раскладывает по кадру.

Он пошел к калитке дома Лехи, чувствуя на себе тот самый взгляд от церкви. Не прямой, но ощутимый. Словно не человек смотрит, а место, в котором он стоит.

Мать Лехи открыла после второго стука. Женщина лет тридцати пяти, очень уставшая, с опухшим лицом и тонким ртом, уже приготовившимся к обороне.

— Я из полиции.

— Опять?

— Да. Хочу поговорить с сыном.

— Он уже все рассказал.

— Мне нет.

Она явно хотела отказать, но в этот момент из глубины дома донесся голос:

— Пусть войдет.

Леха сидел на кухне, укрывшись одеялом до пояса, хотя в доме было жарко. Худой, бледный, с резкими чертами лица и трясущейся нижней губой. На столе перед ним стояла кружка с давно остывшим чаем. Окно над раковиной было закрыто полотенцем.

— Это зачем? - спросил детектив, кивнув на окно.

— Он попросил, - сказала мать. - Говорит, там видно.

— Что видно?

— Я не знаю. Садитесь уже и не пугайте его.

Он сел напротив.

— Леха. Расскажешь, что видел?

Тот долго молчал. Потом сказал:

— А если я скажу, вы тоже начнете смотреть?

— Я и так смотрю.

— Это плохо.

— Знаю.

Парень поднял глаза. И в них было не сумасшествие, нет. Что-то даже хуже. Человек, который слишком хочет, чтобы ему не верили, потому что правда, которую он носит в голове, ему самому противна.

— Мы были у мойки. В старой. Там стекло. Половина двери. Я туда посветил. И увидел нас. А потом понял, что нас не столько.

— Что это значит?

— Ну... - он сглотнул. - Нас было трое. А в стекле как будто много. Как если бы темнота между нами тоже стояла. И у нее были руки. Не как руки. Длиннее. И они цеплялись за дверь изнутри.

— Лица видел?

Леха замер.

— Откуда вы знаете?

— Просто отвечай.

— Видел. Но не сразу. Сначала там было мое лицо. Потом рядом еще одно. А потом я понял, что оно не рядом. Оно как будто из двери выглядывает. И улыбается мне, хотя рот не двигается.

Мать громко выдохнула.

— Я же говорю, он после этого сам не свой. Может, хватит уже?

— Где эта мойка?

Леха назвал место. Детектив его уже примерно понял. Все та же южная зона, ближе к оврагу.

— Еще что-нибудь было?

— Через два дня Лера пришла ко мне. Просто так. Хотя мы почти не общались.

— О чем говорили?

— Она спросила, видел ли я "полного". Я не понял. Тогда она сказала, что пока он не полный, он только просит смотреть. А когда станет полный, он начнет приходить сам.

На кухне стало слышно, как мать дышит через рот.

— Что за "он"?

Леха медленно покачал головой.

— Она не объяснила. Только сказала, что под землей теперь кто-то учится ходить.

Мать встала резко, с таким звуком, будто стул ударили о плитку.

— Все. Хватит. Это уже ненормально.

— Это уже давно ненормально, - сказал детектив, поднимаясь.

Он вышел на улицу и почти сразу увидел, что фигура у церкви приблизилась. Теперь мужчина стоял уже не под фонарем, а у ограды, и лицо было видно.

Священник оказался моложе, чем он ожидал. Лет тридцать пять, может чуть больше. Резкие скулы, темные волосы, короткая борода, слишком прямой взгляд. Красивым его нельзя было назвать. Слишком неприятный рот. Слишком спокойное выражение, как у человека, который умеет не моргать тогда, когда другим этого уже хочется.

— Вы новый следователь, - сказал он..

— Вы местный аттракцион?

— Временно.

Губы священника едва заметно дернулись. То ли почти улыбка, то ли презрение к самой идее улыбаться.

— Отец Михаил.

— Поздравляю.

— Вам стоит повесить зеркало в комнате, где будете спать.

Детектив даже не вздрогнул. Только усталость в голове как будто стала плотнее.

— Это местная форма гостеприимства?

— Это совет.

— А если не завешу?

— Тогда, возможно, к утру у вас будет меньше поводов сомневаться в местных рассказах.

Некоторое время они просто смотрели друг на друга. И вот тут он понял, что Софья имела в виду. Первое ощущение от этого человека было почти физическим. Будто тебе в ладонь кладут холодную железку и предлагают держать. Никакой мягкости. Никакой попытки понравиться. Но при этом в нем не было фальши. И именно это раздражало сильнее всего.

— Вы давно в городе? - спросил детектив.

— Достаточно.

— Это сколько?

— Три дня.

— И уже даете советы следствию?

— Я даю советы человеку, который выглядит так, будто уже однажды смотрел туда, куда не следовало.

Это было сказано тихо, без нажима. И потому прошло глубже, чем хотелось.

— Кто вас сюда прислал?

Священник помолчал.

— Женщина.

— Имя?

— В письмах она пишет только букву "А".

— А вы всех женщин, пишущих вам буквы, слушаетесь?

— Только тех, кто присылает их до того, как что-то начинается.

Ветер тронул ветки над оградой. На секунду в окне церкви мелькнул отсвет лампы.

— Вы знали про детей?

— Я знал, что начнется с детей и животных.

— Откуда?

— Из письма.

— Покажете?

— Нет.

— Почему?

— Потому что вы пока не готовы прочитать его правильно.

Детектив коротко усмехнулся.

— Мои любимые люди. Те, кто знает больше, но ведет себя как загадочная язва.

— Мои любимые люди, - в тон ответил священник, - те, кто видел достаточно, чтобы перестать смеяться, но все равно цепляется за профессиональное высокомерие, будто оно его спасет.

На это уже нечего было ответить без перехода к банальной агрессии. А банальная агрессия всегда выглядела в таких разговорах жалко.

— Что вы знаете о шахтах?

— Что под городом кто-то обретает форму.

— Сколько раз вы это репетировали перед зеркалом?

Лицо священника не изменилось.

— Зеркала лучше не использовать без необходимости.

Вот тут он бы с удовольствием ударил его. Не из ярости. Из чистой эстетики. Чтобы нарушить этот слишком ровный тон.

— Вы понимаете, как это звучит?

— Лучше, чем вы понимаете, как звучат слова мальчика, который закрыл окно полотенцем.

Детектив шагнул ближе.

— Тогда говорите ясно.

— Ясно? Хорошо. Под городом нечто, что пока не имеет устойчивой формы. Оно собирает ее из того, что легче всего взять. Из мелкого. Из живого. Из того, что еще не закрепилось. Оно любит взгляд. Оно учится появляться сначала в отражениях. Если его не остановить, дальше отражения ему будут не нужны.

Некоторое время они смотрели друг на друга в полной тишине.

— И вы ожидаете, что я это приму?

— Нет. Я ожидаю, что вы вспомните, как однажды уже не приняли невозможное вовремя. Это попало точно. Почти ювелирно.

Он почувствовал, как челюсть сжалась сама собой.

— Осторожнее.

— Вы не в том состоянии, чтобы меня пугать, - сказал священник. - Вы в том состоянии, когда любое новое зло либо добьет вас, либо наконец придаст вам цель.

И это, возможно, было самой оскорбительной правдой за день.

— Завесьте зеркало, - повторил он. - И не стойте ночью над водой дольше, чем нужно.

— Я похож на человека, который выполняет приказы по первой же лекции?

— Нет. Вы похожи на человека, который сначала ошибется, а потом начнет думать.

Священник развернулся и пошел к храму.

— Эй.

Он остановился, не оглядываясь.

— Если вы знаете что-то конкретное по детям, а не это религиозно-подвальное словоблудие, лучше скажите сейчас.

— Конкретно? - Священник все же повернул голову вполоборота. - Девочка еще жива. Мальчик, скорее всего, тоже. Но если вы найдете их не скоро, радости это не добавит.

— Откуда вы...

— Потому что если бы оно уже закончилось, в городе было бы гораздо тише.

Он ушел.

Детектив еще несколько секунд стоял у ограды, чувствуя, как внутри медленно поднимается то самое, давно знакомое сочетание злости и заинтересованности. Самая мерзкая смесь в его профессии. Именно она всегда вела его туда, куда не стоило.

Он вернулся в отдел почти в девять. В коридорах было полупусто. Где-то в дежурке работал телевизор без звука. Софья уже собиралась домой, но, увидев его лицо, остановилась.

— Что-то нашли?

— Адрес старой мойки.

— Это у оврага?

— Да.

— Туда ночью лучше не ехать.

— Вы тоже вступили в клуб фанатов местного духовенства?

Она моргнула.

— Вы его уже видели...

— К сожалению.

— И?

— И он отлично подошел бы на роль человека, которого первым подозревают в любой мерзости.

— Да, - неожиданно согласилась она. - Но он, кажется, не врет.

— Это не плюс. Лучшие психи редко врут.

Она помолчала, потом все же спросила:

— Вы правда повесите зеркало?

Он посмотрел на нее.

— Софья, скажите честно. У вас в городе вообще кто-нибудь еще остался с базовой когнитивной гигиеной?

— Нет, наверное, - ответила она слишком серьезно. - Поэтому я и спросила.

В архивной все осталось как было. Стол. Папки. Муха на подоконнике. За окном темный двор и слабый отсвет лампы над входом. Он закрыл дверь, сел и открыл блокнот.

Техникум. Лужа. Телефон.

Шахты. Свежая надпись. Клей, волос.

Подростки. Леха. Отражение, лишние руки.

Лера знала больше.

Священник. Либо полезный псих, либо полезный лжец.

Он поставил точку и впервые за весь день почувствовал настоящее утомление. Не нервное. Физическое. Такое, когда тело вдруг вспоминает, сколько часов провело в дороге, в разговоре, на ногах, в сыром тоннеле.

В отделе ему выделили служебную комнату на втором этаже бывшего общежития через квартал. Ключи лежали у дежурного. Он забрал их, прошел пешком и по дороге дважды поймал себя на том, что смотрит не по сторонам, а на стекла. Темные витрины закрытых магазинов. Окна. Машины. Лужицы под фонарями.

Ничего.

И именно это раздражало.

Комната оказалась тесной, но чистой. Кровать. Шкаф. Стол. Раковина. Одно окно во двор. Над столом зеркало в деревянной раме. Старое, с темными точками по краям.

Он поставил сумку у стены и несколько секунд молча смотрел на зеркало.

Потом взял полотенце из ванной и повесил вверх.

На всякий случай. Не потому что поверил. Просто потому что ему было плевать, насколько жалко это выглядит со стороны. Опыт учит не путать гордость с идиотизмом.

Он умылся ледяной водой, сел на кровать, снял ботинки и только тогда заметил, что телефон мигает уведомлением. Незнакомый номер. Сообщение пришло пятнадцать минут назад.

"Не ходите к мойке один".

Он перечитал.
Без подписи.

Номер местный.
Он набрал сразу. Абонент недоступен.
Секунд через десять пришло второе сообщение.
"И не смотрите, если услышите, что вас зовут снизу".

Он уставился на экран, потом резко поднял голову.
Тишина в комнате была полной. За окном едва слышно прошла машина. Где-то далеко хлопнула дверь.

Он подошел к окну. Отдернул занавеску.
Во дворе никого.

На мокром асфальте под желтым фонарем блестели тонкие полосы воды после вечерней сырости. Свет дробился в них, вытягивался и дрожал.

И тут снизу, почти прямо под окном, кто-то тихо сказал:
— Посмотри.

Голос был детский.

Совсем близко.

Детектив застыл.

Сердце ударило один раз, тяжело и глухо, будто его кулаком толкнули изнутри.

Голос повторил, уже тише:

— Посмотри вниз.

Он медленно отступил от окна.

Не потому что испугался. Хотя испугался тоже.

А потому что страх в его жизни давно стал вторичной реакцией. Первая была другой.

Память.

Он слишком хорошо помнил, как звучит момент, когда невозможное решает впервые обратиться к тебе лично.

Голос больше не повторялся.

Он простоял у стены, слушая тишину, еще минуту, потом аккуратно подошел обратно. Не к самому стеклу. Сбоку. Так, чтобы видеть двор краем зрения, не наклоняясь.

Никого.

Под окном только вода, пятна света и кривой силуэт дерева.

Он открыл телефон и быстро написал Софье: "Кто знает мой номер?"

Ответ пришел почти сразу.

"Только отдел. И Старостин. А что?"

Он не стал отвечать.

Сел на кровать, не раздеваясь, и достал из кармана пистолет. Положил рядом. Потом выключил свет, оставив только лампу у стола. И только тогда понял, что усталость ушла полностью.

Ее смыло. Начисто. Как всегда бывало в те моменты, когда действительность начинала подавать признаки жизни не по правилам.

Он сидел в полумраке и смотрел на полотенце, закрывающее зеркало.

Сначала ему казалось, что ткань слегка колыхнется. Но потом он понял, что это просто дрожит свет лампы.

Потом ему показалось, что за тканью будто бы есть объем, которого быть не должно. Не плоская поверхность. Что-то чуть выпирающее изнутри, словно зеркало стало глубже.

Он моргнул.

Полотенце висело неподвижно.

Почти.

В нижнем углу, где ткань не доходила до рамы, осталась узкая полоска стекла. И в ней что-то было.

Не движение.

Не фигура.

Слишком много темноты для обычного отражения.

Он не встал.

Просто сидел, очень медленно переводя взгляд выше, на складку ткани, на гвоздь в стене, на край стола. Не на эту полосу.

Тишина.

Потом из коридора донеслись шаги. Обычные, тяжелые, человеческие. Кто-то прошел мимо его двери. Скрипнули половицы. Кашель. Щелкнул выключатель в общей кухне.

Мир снова стал миром.

Он выдохнул, сам не заметив, что задерживал дыхание.

Через минуту поднялся, подошел к зеркалу, не глядя вниз, и полностью закрыл стекло вторым полотенцем.

Когда он лег, сон пришел не сразу. И все это время ему казалось, что где-то под полом, очень глубоко, медленно и терпеливо что-то перебирает множеством мелких конечностей по сырой каменной стене.

Не пытаюсь выбраться.

Пока нет.

Просто обучаясь ритму.

Уже почти на границе сна он понял, что именно тревожит его больше всего.

Не голос под окном.

Не сообщение.

Не надпись в шахте.

Даже не священник с его отвратительно уверенным лицом.

Хуже было другое.

За весь день никто, кроме мальчика в записке, не сказал одной вещи прямо. Но все крутились вокруг нее, даже не замечая.

Смотреть.

Лера запретила смотреть в лужу.

Леха увидел лишние руки в стекле.

Священник велел повесить зеркало.

Неизвестный написал не смотреть вниз.

Как будто в этом городе взгляд был уже не просто взглядом.

А чем-то, что всегда стоит чуть дороже, чем кажется.

И где-то под этой мыслью, на самом дне сознания, шевельнулась совсем мерзкая догадка.

Если оно хочет, чтобы на него смотрели,

то, возможно, оно уже знает, кто именно приехал в город.

И, возможно, уже смотрит в ответ.

На этом он все же уснул.

А ночью ему снился тоннель.

Мокрый, низкий, бесконечный.

По его стенам были приклеены лица. Детские, птичьи, человеческие, почти человеческие. Некоторые смотрели прямо. Некоторые вниз. Некоторые с закрытыми глазами. И пока он шел, все они медленно, с почти нежной синхронностью поворачивались в его сторону.

В конце тоннеля кто-то стоял на множестве рук.

Еще не человек.

Но уже пытающийся держать осанку.

А когда существо подняло голову, он увидел, что лица у него пока нет.

Только гладкая, влажная пустота, в которой отражался он сам.

.Глава 2. Отсутствие

Утром он проснулся не сразу.

Сначала слышал воду. Не дождь. Не кран. Что-то среднее. Редкие, тяжелые капли, падающие с одинаковым промежутком, как если бы где-то за стеной протекала труба и кто-то очень терпеливо считал время по ее неисправности.

Потом почувствовал затекшую шею, холод в ступнях и сухую ломоту в глазах. Только после этого открыл их.

Лампа у стола все еще горела. Полотенца на зеркале висели на месте. Пистолет лежал рядом, где он его и оставил. За окном было серо. Не утро в привычном смысле, а просто более светлый вариант вчерашней хмурой пустоты.

Он сел на кровати и несколько секунд смотрел на занавешенное зеркало.

Ничего не произошло. Ночью никто не стучал, не шептал, не тянулся из стекла. И все же он не испытал облегчения. Его вообще редко приносило отсутствие событий. Опыт давно научил: иногда молчание не опровергает угрозу, а просто отмеряет ей расстояние.

Он встал, подошел к окну и, прежде чем отдернуть занавеску, поймал себя на том, что прислушивается.

Во дворе было тихо. На мокром асфальте лежали клочки прошлогодней листвы. Под фонарем блестела тонкая полоска воды. Под самым окном никого.

Ни следов. Ни игрушки, которую мог бы оставить ребенок. Ни чего-то настолько театрального, чтобы мозг получил право сказать: вот, смотри, теперь у тебя есть подтверждение.

Только асфальт, трава у бордюра и ржавый бак у сарая.

Он открыл створку.

Холодный воздух вошел в комнату и принес с собой запах сырости, металла и далекого дыма. Где-то в соседнем дворе завели машину. Двигатель несколько раз кашлянул, будто не решался окончательно проснуться.

Он перегнулся ровно настолько, чтобы увидеть землю у стены здания.

Грязь там была разбита множеством старых следов. Накануне моросило, потом подмерзло, потом снова отпустило. К утру все расплзлось в безликую кашу, где различить можно было только одно: ночью под окном кто-то ходил. Не один раз. И не обязательно один человек.

Это его не устроило.

Он оделся быстро, сунул телефон в карман, забрал ключ и вышел в общий коридор. Там пахло вареной капустой, мокрой шерстью и старыми обоями. На кухне кто-то гремел посудой. Из соседней комнаты доносился мужской кашель, глубже и тяжелее обычного, как будто легкие пытались не выдохнуть воздух, а вернуть его обратно.

На лестнице он столкнулся с женщиной в махровом халате. Та несла пустое ведро и, увидев его, прижалась к перилам так, словно он был не человеком, а выдвинутым в проход шкафом.

— Доброе утро, - сказал он.

Она посмотрела мимо его лица, на плечо, потом на ступени.

— У нас тут ночью кто-то под окном стоял? - спросил он.

Женщина моргнула.

— Где?

— Под моим. Второй этаж, со двора.

— Не знаю, - ответила она слишком быстро. - Я сплю крепко.

И пошла вниз, не прибавляя шага, но как-то сразу оказываясь дальше, чем должна была.

Отдел встретил его так же, как и накануне: лампами, которые горели безо всякой охоты, пылью в щелях и ощущением, что здесь давно привыкли работать на износ, но никогда не привыкали к самой работе.

Софья уже была на месте. Сидела за столом в дежурной комнате, обложившись бумагами, и ела что-то из пластикового контейнера. Увидев его, быстро закрыла крышку, словно ее застали за чем-то неприличным.

— Вы рано, - сказала она.

— Вы тоже.

— Я тут всегда рано.

— Полезная травма.

Он прошел в архивную, повесил пальто на спинку стула и сразу спросил:

— Кто из отдела мог дать мой номер кому-то со стороны?

Софья замерла в дверях.

— Со стороны кому?

— Это я у вас спрашиваю.

Она вошла, закрыла дверь и поставила на стол две папки.

— Старостин, дежурный, кадровик. Если сильно захотеть, еще пол-отдела. У нас тут не секретный объект.

— Отлично. Значит, кто угодно.

— Что случилось?

Он показал ей телефон. Сообщения она прочитала молча. Потом подняла взгляд.

— Это не я.

— Я не настолько плохо разбираюсь в людях.

— Некоторые бы поспорили, - буркнула она и тут же, видимо, сама пожалела о тоне. - Простите.

— Не прощу. Дальше.

Софья села напротив.

— Номер могли взять из карточки на вахте. Или из бумаги на заселение. Или просто кто-то услышал и передал. Город маленький. Здесь информация течет быстрее воды и почему-то воняет примерно так же.

— А голос под окном тоже у вас так течет?

Она нахмурилась.

— Какой голос?

Он не ответил сразу. Посмотрел на нее, пытаясь понять, играет она или действительно не понимает. В молодом лице было слишком мало навыка для хорошей лжи.

— Ночью кто-то сказал мне посмотреть вниз, - произнес он наконец. - Детский голос. Почти под окном. После двух сообщений с предупреждением.

Софья побледнела не театрально, а неприятно быстро, как люди бледнеют от внезапно найденной внутри себя чужой мысли.

— Вы выглянули?

— Нет.

— Правильно.

— Спасибо, отец Михаил.

Она коротко дернула губой. Не обиделась. Просто не до того было.

— У нас... - она запнулась. - У нас иногда дети так шутят. Ну, раньше. До всего этого. Сейчас уже нет.

— До всего этого?

Софья опустила глаза в бумаги.

— После исчезновений родители начали таскать мелких домой до темноты. Во дворах пусто. Вечером никого. Даже подростки теперь держатся кучей. По одному редко ходят.

— Значит, детский голос под окном не вписывается.

— Значит, не вписывается.

Он кивнул.

— Хорошо. Что у нас по третьему ребенку, который объявился?

Софья оживилась неохотно, как человек, которому предлагают перейти от дурного сна к обычной бюрократии.

— Мальчик. Князев Артем, одиннадцать лет. Пропадал сутки. Нашли утром в промзоне, за автомойкой. Сам дошел до дома, если верить матери. Но...

— Но?

— Он почти не разговаривает. И руку не поднимает. Левую. Врачи сказали, травмы нет. Нервного тоже вроде ничего. Как будто просто... перестала работать.

— Где он сейчас?

— Дома. Старостин хотел еще раз опросить, но мать уперлась. Сказала, вы ночью ребенка не забрали, теперь днем тоже не трогайте.

— Правильно сказала.

Он поднялся, взял карту города и снова положил на стол. Провел ногтем по южной части.

— Автомойка вот здесь?

— Да. Чуть ниже оврага.

— Рынок, гаражи, техникум, старая мойка, спуск к выработкам. Слишком много детей для одного сектора.

— Я тоже так подумала.

— И никого это не смущает?

Софья пожала плечами.

— Здесь людей проще смущает священник, чем статистика.

Дверь распахнулась без стука. Старостин вошел с той усталой поспешностью, которая бывает у людей, вынужденных с утра решать что-то мелкое и стыдное.

— Уже работаете, - сказал он, будто это было слегка подозрительно.

— Иногда случается, - ответил детектив.

Старостин перевел взгляд на Софью и на телефон у него в руках.

— Что-то не так?

— Все так. Кто дал мой номер по заселению?

Старостин моргнул.

— А зачем?

— Потому что мне ночью писали предупреждения.

Лицо у него не дрогнуло. Слишком гладко для человека, которого новость застала врасплох.

— Я никому не давал, - сказал он.

— А кто мог?

— Да кто угодно. Вахта, дежурка, бухгалтерия, если им совсем делать нечего. А что за предупреждения?

— Не ходить к мойке одному. И не смотреть вниз, если позовут снизу.

Старостин криво хмыкнул, будто услышал нечто среднее между сплетней и дурной шуткой.

— Ну вот. Уже началось.

— Что именно?

— Местное. Как только кто-то новый появляется, его сначала пугают. Особенно если это человек не отсюда. Проверяют, проще говоря.

— Проверяют на что?

— На вменяемость. На понты. На то, сколько в нем город выдержит.

— Очаровательно.

Старостин развел руками.

— Периферия. Люди здесь странные.

— Люди везде странные, - сказал детектив. - Здесь просто хуже притворяются.

Он пододвинул к себе папку с материалами по Артему Князеву.

— Машину дадите?

— Куда?

— К мальчику. Потом к автомойке. Потом в школу.

— В школу зачем?

— Потому что у нас уже есть записка про "под школой кто-то ходит на руках", дети, которые что-то видят, и город, в котором взрослые последовательно выкидывают из дел все, что не лезет в их тухлый реализм. Мне интересно, насколько это системно.

Старостин шумно выдохнул, но спорить не стал.

— Возьмите серую. Только там печка барахлит.

— Прекрасно. Люблю, когда техника отражает уровень расследования.

Когда он вышел во двор, небо все еще висело низко, как мокрый потолок. Ветер шевелил флаг на здании отдела, но так лениво, словно ткань тоже не видела смысла стараться. Машина завелась со второго раза. Печка действительно работала через унижение: либо молчала, либо вдруг выдавала в салон такой поток горячего воздуха, будто пыталась компенсировать годы бездействия.

Дом Князевых стоял почти на самом выезде из старой части города. Деревянный, перекошенный, с пристроенной позже верандой, которую кто-то красил зелёной краской лет десять назад и с тех пор больше не трогал. Во дворе висело белье. Детские футболки, мужские майки, две наволочки с выцветшими медведями. На веревке они колыхались ровно и безжизненно, как флаги маленькой капитулировавшей страны.

Ему открыла женщина в шерстяной кофте, застиранной так, что цвет нельзя было определить даже при желании. Лицо у нее было молодое, но уже с тем типом усталости, который делает возраст бессмысленным.

— Из полиции? - спросила она сразу.

— Да.

— По Артему?

— По нему.

Она не стала его впускать. Сначала оглянулась вглубь дома, потом вернулась взглядом к нему.

— Мы уже все сказали.

— Значит, повторите мне.

— Ему плохо.
— Поэтому я и пришел.
Она поджала губы.
— От вас ему лучше не станет.
— От меня и не требуется лечебный эффект.
Только после этого она отступила.

Внутри пахло супом, йодом и сырым деревом. В маленькой комнате у окна на диване сидел мальчик. Худой, стриженный неровно, в спортивных штанах и толстовке с облезшей надписью. Левая рука лежала у него на коленях так, как иногда кладут чужую вещь, временно не зная, куда ее деть. Не согнута, не напряжена, просто почти не участвовала в нем.

— Артем, - сказала мать, - поговори.

Мальчик поднял глаза на детектива. Не испуганные. Не сонные. Пустые было бы слишком просто. Скорее утомленные, как у человека, которому за последние сутки слишком много раз пришлось смотреть на лица, ожидающие от него нормальности.

— Привет, - сказал детектив.
Тот едва заметно кивнул.
Он сел на стул у стены, не приближаясь слишком сильно.
— Расскажешь, где тебя нашли?
— За мойкой, - тихо сказал мальчик.
Голос был хриплый, как после долгой болезни.
— Сам дошел?
— Да.
— Откуда?

Тишина.

Мать тут же вмешалась:

— Он не помнит. Я же говорила.
— Я не с вами разговариваю.
Она обиделась мгновенно, но замолчала.
— Артем, - повторил он мягче, - ты помнишь, где был ночью?

Мальчик посмотрел на свою левую руку, словно только сейчас вспомнил, что она существует.

— Внизу.
— Где внизу?
— Там.
— В шахтах?
Он не ответил. Только дернулся уголком рта.
— Там было темно?
— Сначала.
— А потом?
— Потом видно.
— За счет чего?

Артем впервые за весь разговор посмотрел на него почти осмысленно.

— За счет того, что если долго смотришь, оно тоже начинает.

Мать резко втянула воздух.

— Ты опять.
— Молчите, - сказал детектив, даже не повернув головы.
Он снова перевел взгляд на мальчика.
— Кто с тобой там был?
— Никто.

— Ты ушел один?

— Нет.

— С кем?

— Не знаю.

— Кто тебя привел?

Мальчик поджал губы.

— Оно не приводит.

— А что делает?

— Ждет, пока ты сам подойдешь.

Комната на секунду стала очень маленькой. Не страшной. Именно маленькой. Как будто все предметы чуть сдвинулись к центру, освобождая место для чужой фразы.

— Что ты видел? - спросил детектив.

Артем смотрел теперь не на него, а куда-то между столом и стеной.

— Сначала птиц.

— Каких птиц?

— Не знаю. Они там давно. Некоторые уже сухие.

— Потом?

— Потом руки.

Мать закрыла ладонью рот.

— Где руки?

— На стене. И на полу. И... - он зажмурился. - Не знаю. Они не отдельно были.

Детектив почувствовал, как что-то холодное и очень деловое внутри него начало раскладывать слова по местам, не давая себе права на образ.

— Покажи, как это выглядело.

Мальчик поднял здоровую правую руку и несколько раз неуверенно повел ею в воздухе, будто искал форму. Получилось коряво, бессмысленно и поэтому неприятно. Не жест. Не рисунок. Попытка собрать движение, для которого не хватает суставов.

— Оно ползло? - спросил детектив.

Артем открыл глаза.

— Пыталось.

— Почему рука не работает?

Мальчик помолчал. Потом сказал очень тихо:

— Потому что я ей держал.

— Что держал?

— Лицо.

На этот раз мать не просто ахнула. Ее буквально передернуло, как от рвотного спазма.

— Все. Все. Хватит. Уходите. Я не дам дальше.

Детектив встал. Он понимал, что если надавить еще сильнее, пользы не будет. Не сейчас.

— Врача вызывали?

— Вызывали.

— И?

— Сказали наблюдать. Нервное. Может пройти.

— А если не пройдет?

— Тогда поедем в область.

Он кивнул и снова посмотрел на мальчика.

— Артем. Последнее. Ты видел Леру или Даню внизу?

У мальчика вздрогнули ресницы.

— Девочку видел.

— Где?

— Она сидела.

— Где именно?

— Там, где оно смотрит.

— А Даню?

— Нет.

— Она была жива?

Мальчик медлил так долго, что мать уже открыла рот, чтобы прогнать его окончательно. Но тот все же ответил:

— Тогда да.

Когда он вышел на улицу, ему захотелось закурить с такой силой, что на несколько секунд он даже остановился посреди двора, будто тело рассчитывало найти сигарету в ладони само по себе. Потом это прошло, оставив после себя только злость.

Он сел в машину и не завел ее сразу. Открыл блокнот, лежавший на пассажирском сиденье.

Артем. "Внизу".

"Если долго смотришь, оно тоже начинает".

Птицы. Руки. Не отдельно.

Пыталось ползти.

Держал лицо.

Лера жива. "Там, где оно смотрит".

Он закрыл блокнот.

Эта глава расследования ему уже не нравилась. Слишком быстро в нее полезли вещи, которые либо являлись чистым бредом, либо были куда хуже бреда, потому что подтверждались повторением.

К автомойке он поехал один.

Мойка стояла на отшибе, как и положено местам, где давно не моют ничего, кроме времени. Старое кирпичное строение с проваленной крышей на одном углу, облезшими воротами и площадкой перед въездом, где бетон пошел трещинами, словно под ним что-то медленно шевелилось годами. В стороне ржавели каркасы двух машин без стекол. За ними начинался овраг, заросший голыми кустами и бурьяном.

Он заглушил мотор и посидел, глядя на здание.

Днем оно выглядело хуже, чем ночью. Ночь умеет давать хламу хоть какую-то дисциплину. Днем всё видно честно: трещины, мусор, нелепые граффити, разбросанные бутылки, мокрые матрасы и грязь, на которой отпечаталось слишком много случайной жизни.

Внутри пахло сыростью, плесенью и маслом. На полу в дальнем боксе валялся шланг, свернутый в толстую черную петлю, похожую на дохлую змею. У стены стояла та самая железная дверь с выбитой нижней панелью и мутным квадратом стекла в верхней части.

Он остановился в трех шагах от нее.

Подросток сказал: лишние руки в отражении.

Он не верил подросткам по умолчанию. И особенно не верил подросткам в заброшках. Но фраза застряла неприятно. Слишком предметно для пьяной выдумки.

Он не стал смотреть в стекло сразу. Обошел помещение, отметил следы обуви, старые банки из-под краски, кострище из мусора, лоскут грязной ткани на торчащем арматурном

пруте. У дальней стены увидел пятна помета и серые комки перьев. Птицы действительно были. Когда-то.

Потом все же подошел к двери.

В стекле отражался бокс, его плечо, прямоугольник света за воротами, кусок крыши и темная полоса за спиной. Ничего.

Он сделал шаг влево. Потом вправо.

Отражение послушно повторило.

Он задержался чуть дольше, чем следовало.

Темная полоса за плечом не изменилась. Но мозг вдруг, сам собой, отметил одну мелочь: по логике пространства ее не должно было быть так много. Слишком широкий кусок темноты. Слишком плотный. Будто за ним стояло не пустое помещение, а что-то, что не помещается в перспективу и поэтому выглядит как ошибка чертежа.

Он моргнул и тут же разозлился на себя.

Опять.

Он отвернулся и пошел к заднему выходу. Там, за выбитой стенкой и кучей битого кирпича, открывался узкий проход к оврагу. Именно там, по словам матери, и нашли Артема.

На сырой земле еще сохранялись вмятые участки, но дождь и чужие ботинки сделали свое дело. Из читаемого осталось только одно: кого-то или что-то тащили здесь волоком. Не далеко. Пару метров. Потом след рвался.

Он присел.

В грязи блестело что-то белое. Кость? Пластик? Он подцепил палочкой. Оказалось, обломок детской заколки в форме бабочки, облезлой до безобразия.

Не доказательство. Но и не мусор.

Он убрал ее в пакет.

Из оврага тянуло холодом.

Там, под спуском, между кустами виднелась темная полоса воды. Не ручей, скорее сточная канава, куда стекало всё, что город не мог или не хотел удержать в себе. Над ней низко висели ветки. Влажные. Черные. И в их тени что-то белело.

Он спустился осторожно.

Белым оказался не пакет и не тряпка, а птичий скелет. Маленький, почти целый, обтянутый ключьями серой кожи. Лапки были целы. Череп тоже. А вот грудная клетка выглядела так, словно ее пытались раскрыть не для того, чтобы достать мясо, а чтобы понять, как она устроена.

Он долго смотрел на птицу.

Потом поднял голову.

Над оврагом, метрах в десяти, на краю бетонной плиты стоял мальчик.

Тот самый возраст, в котором в этом городе, видимо, уже нельзя доверять никому. Лет двенадцать, может тринадцать. Капюшон на голове, руки в карманах, лицо в тени.

— Давно смотришь? - спросил детектив.

Мальчик не ответил.

— Подойди.

— Не хочу.

Голос тонкий, но без страха.

— Тогда говори оттуда. Что ты здесь делаешь?

— То же, что и вы.

— И что же?

— Проверяю, остались ли вы нормальным.

Детектив коротко усмехнулся.

— Здесь все на этом помешаны?

— Здесь все знают, что это быстро проходит.

— Ты кто?

— Кирилл.

— Фамилия?

— Зачем вам.

— Чтобы я мог прийти к твоей матери и спросить, почему ее сын торчит у заброшенной мойки, где нашли пропавшего ребенка.

Мальчик помолчал. Потом сказал:

— А вы лучше спросите, почему ваш Старостин велел засыпать яму за котельной.

Это было сказано слишком быстро, почти на выдохе, как если бы он репетировал фразу и боялся не успеть.

— Какую яму?

— Ту, куда собаки сходились.

— Когда засыпали?

— Вчера утром. Землей и шлаком. Я видел.

— Почему сразу не сказал?

Мальчик посмотрел куда-то в сторону.

— Потому что если взрослые что-то засыпают, значит, не хотят, чтобы дети это видели.

А значит, там было что-то интересное.

— Ты видел, что там было?

— Нет. Но Жук сказал, что оттуда воняло, как изнутри курицы.

— Жук у вас, я смотрю, тонкий натуралист.

Мальчик не улыбнулся.

— Не ходите туда один.

— Уже второй совет за сутки.

— Тогда слушайте хотя бы одного.

— Почему помогаешь?

— Потому что Лера мне нравилась.

Это прозвучало так буднично и безнадежно, что он сразу поверил.

— Она что-нибудь тебе говорила?

— Говорила, что под школой стучат.

— Все говорят разное. Шахты, техникум, мойка, школа.

— Это одно и то же, - ответил мальчик. - Вы просто еще не поняли, как тут снизу всё связано.

После этого он развернулся и пошел прочь, легко спрыгнув с плиты. Догонять его было бы бессмысленно. Такие дети убегают не ногами, а всей своей жизнью.

Он постоял еще немного, потом поднялся наверх и поехал обратно в отдел.

Котельную он нашел по карте. Старую, кирпичную, без окон на одной стороне. За ней действительно была свежая насыпь: глина, шлак, обломки бетона. Неровный кусок земли, наспех разровненный трактором. С виду ничего. Но над ним в холодном воздухе держался запах. Не сильный. Не явный. Просто тот самый сладковатый сбой, который мозг сначала пытается назвать чем угодно, лишь бы не тем, что приходит на ум первым.

Он обошел насыпь по кругу.

С одной стороны в земле виднелись следы собачьих лап. Много. Старых, размазанных. Как будто здесь и правда что-то вылизывали или вынюхивали.

У края насыпи лежал детский шнурок. Синий.

Он поднял его и убрал в карман пакета вместе с заколкой.

Когда он вернулся в отдел, Старостин сидел в своем кабинете и ел из банки маринованные огурцы, как человек, который давно уже перестал делить рабочее и пищевое пространство по моральным соображениям.

— Котельная, - сказал детектив с порога.

Старостин даже не поднял головы.

— И что котельная?

— Почему засыпали яму за ней?

Огурец в руке у него замер всего на секунду. Но этого хватило.

— Потому что туда бродячие собаки лазили. И дети. Обычная техника безопасности.

— И давно вы так любите технику безопасности?

— Когда доходит до детей, внезапно люблю.

— Что там было?

— Ничего.

— Врете.

Старостин наконец посмотрел на него.

— Слушайте. Вы приехали сюда вчера. А я здесь живу двадцать лет. Если я говорю, что там было ничего, значит, там было ничего, которое лучше не превращать в шоу. Пара старых костей, дохлятина, мусор. Хотите, я вам мешок падали покажу, вы из него тоже теорию соберете?

— Кости чьи?

— Собачьи. Птичьи. Может, кошачьи. Ветеринар сказал, свалка.

— Ветеринар много чего сказал.

— А вы у нас кто? Следователь или человек, который уже на второй день хочет раскопать каждую городскую помойку только потому, что ему скучно без личного кошмара?

Это было сказано неожиданно злобно. Даже не злобно, а с той точностью, которая возникает только у людей, долго державших внутри раздражение.

Он подошел ближе.

— Не путайте интерес к работе с ностальгией по аду.

— А вы не путайте провинциальный мусор с заговором вселенной, - отрезал Старостин. - Я видел таких, как вы. Приезжают с историей в глазах, потом начинают тянуть на себя всё подряд, потому что обычное зло кажется им недостаточно красивым.

На мгновение в кабинете стало очень тихо. Даже телевизор в дежурке как будто убрали подальше.

Детектив смотрел на него, и впервые за весь приезд ему пришла нормальная, земная, не мистическая мысль: Старостин либо что-то скрывает, либо слишком боится, что здесь правда окажется что-то не то. В любом случае полезного из него сейчас не выжать.

— Ладно, - сказал он. - Тогда давайте по обычному. Поднимите все заявления по пропавшим животным за последний месяц. Все. Даже если это "кошка не пришла домой" и "куры куда-то делись". И отдельно все жалобы с южного сектора на шум, провалы, детей у шахт и любые ночные звонки, которые ваши сотрудники привычно отправляли в мусор.

— Это тонна хлама.

— Разбирайте. Вы же любите технику безопасности.

Он вышел, прежде чем Старостин успел ответить.

Софья догнала его в коридоре.

— Что вы ему сказали?

— Правду. Он расстроился.

— Это редкое событие.

— Что у нас со школой?

— Директор на месте. Но она не любит, когда приходят без предупреждения.

— Значит, день у нее испортится.

Школа стояла ближе к центру, но внутри казалась такой же окраиной, как и всё остальное в городе. Светлые стены, линолеум с пузырями, стенды про безопасность жизнедеятельности, детские рисунки, выцветшие быстрее самих детей. На первом этаже пахло хлоркой и кашей. Где-то далеко звенел звонок, но даже он звучал не как сигнал жизни, а как металлическая привычка.

Директор встретила его с тем типом вежливости, который сразу предупреждает о будущей пассивной враждебности. Полная женщина с идеально уложенными волосами и лицом, на котором любая эмоция выглядела бы как дисциплинарное нарушение.

— По какому поводу? - спросила она, не предлагая сесть.

— По поводу детей, которые пропадают, и записки, в которой упоминается ваша школа.

— Дети фантазируют.

— Взрослые тоже. Но мне сейчас интересны первые.

Он показал записку брата Леры.

Лицо директорши осталось почти прежним, только рот стал тоньше.

— Под школой нет ничего, кроме коммуникаций.

— Подвал есть?

— Техническое помещение.

— Доступ?

— Только персоналу.

— Подростки туда лазили?

— Нет.

Она ответила слишком быстро.

— У вас прекрасная интонация для слова "да", - сказал он.

— Вы меня в чем-то подозреваете?

— Пока только в любви к формальным ответам.

Софья стояла чуть сзади и делала вид, что рассматривает плакат о профилактике гриппа.

— Я хочу посмотреть подвал, - сказал он.

— Сейчас везде уроки.

— Вы учите чему-то в подвале?.

— Это нецелесообразно.

— А пропавшие дети целесообразны?

Она задержала взгляд на нем чуть дольше, чем требовал этикет, и наконец нажала кнопку на селекторе.

— Позовите завхоза.

Пока ждали, он прошелся взглядом по коридору. На стене висела доска почета. Девочки с бантиками, мальчики в пиджаках, одинаковая зубастая старательность. Под ними тянулась длинная батарея. Слишком горячая. От нее шел такой жар, будто школа не отапливалась, а пыталась что-то выжечь в себе изнутри.

Завхоз пришел с ключами, как приходят люди, которых уже давно перестало удивлять всё, кроме необходимости лишний раз спускаться по лестнице. Подвал находился в старом крыле. Дверь за спортзалом, покрашенная коричневой краской поверх десятков прошлых слоев.

Когда ее открыли, в лицо ударил теплый влажный воздух.

— Здесь трубы, склад и старая электрика, - буркнул завхоз. - Смотреть особо нечего.

Лестница вела вниз узко и неровно. Софья шла за детективом. Директор осталась наверху, сославшись на занятость. Правильнее было бы сказать: на естественное нежелание спускаться туда, где заканчиваются ее бумажные полномочия.

Внизу действительно был обычный школьный подвал. Трубы, побелка, швабры в углу, коробки со старыми плакатами, банки краски, запах сырости и пыли. Но обычность здесь держалась хуже, чем где-либо еще. Достаточно было сделать несколько шагов в дальний коридор, где лампа мигала раз в несколько секунд, и становилось ясно: место не любит, когда на него смотрят долго.

На стене у поворота что-то было нацарапано.

Он подошел ближе.

Не слова. Просто ряды коротких линий. Как если бы кто-то сидел и методично скреб кирпич ногтем или ключом, не рисуя ничего, кроме самого факта повторения.

— Это кто сделал? - спросил он.

Завхоз пожал плечами.

— Дети. Кто ж еще.

— И часто дети сидят в техническом подвале и царапают стену в темноте?

Тот ничего не ответил.

Софья посветила фонариком в угол.

— Тут перья.

Он присел. Действительно. Несколько серых перьев, прилипших к сырой пыли, и темное пятно, давно засохшее между плитами.

— Птица залетела, - сказал завхоз без уверенности.

— В подвал без окна.

— Через вентиляцию.

Детектив встал.

— Покажите дальнюю часть.

— Там тупик.

— Тем более.

За поворотом коридор сужался и заканчивался старой металлической дверью с навесным замком. Ничего особенного, если не считать того, что пол перед дверью был заметно чище, чем в остальных местах. Кто-то ходил здесь чаще. Или не давал пыли накапливаться.

— Что за дверью? - спросил он.

— Старый ход к соседнему корпусу. Закрыт.

— Давно?

— Еще до меня.

— Ключ.

— У меня только от замка сверху. Этот сменили.

— Кто менял?

Завхоз снова пожал плечами.

— Не помню.

В этот момент из-за двери донесся звук.

Не стук. Не шаги.

Короткий, сухой шорох, как будто по металлу провели чем-то легким и многоточечным.

Завхоз застыл.

Софья посмотрела на детектива.

Он не двигался несколько секунд, вслушиваясь.

Шорох не повторился.

— Крысы, - сказал завхоз слишком громко.

— С когтями по металлу? - спросил детектив.

— А вы у крыс интервью брали?

Он подошел вплотную к двери и приложил ладонь к холодному железу.

Ничего. Только слабая вибрация от труб где-то в стене. И все же ощущение было такое, будто за дверью не пространство, а чье-то терпение.

— Замок срезать можно? - спросил он.

Завхоз сразу посмотрел на Софью, как люди смотрят на младшего, когда надеются, что именно он отговорит старшего от дурной идеи.

— Сейчас нет, - сказала она до того, как он успел ответить. - Нужны бумаги. И вы сами потом убьете нас обоих, если там окажется труба и тридохлых голубя.

Он выпрямился.

— Верно. Убью.

Они поднялись наверх. Уже в коридоре, среди детских голосов и запаха столовской подливы, подвал казался почти приснившимся. Но только почти.

На выходе из школы он оглянулся.

На первом этаже, у лестницы в старое крыло, стояла девочка лет тринадцати. Рыжая, в черной кофте, с таким прозрачным лицом, будто его можно было стереть ладонью. Она смотрела на него без любопытства. Без страха. Просто оценивающе.

Он подошел.

— Как тебя зовут?

— Вика.

— Ты здесь учишься?

— К сожалению.

— Знаешь Леру Горину?

— Все знают Леру Горину.

— Что можешь сказать?

Девочка перевела взгляд на Софью, потом обратно.

— Она любила проверять, кто чего боится.

— И что проверила на себе?

— Что взрослые тупые.

Софья едва слышно вздохнула, но не вмешалась.

— Последний раз когда ты ее видела?

— За день до того как пропала.

— Где?

— В туалете.

— И?

— Она мыла руки и смотрела не в зеркало, а под раковину.

— Зачем?

— Сказала, что оттуда ночью иногда кто-то отвечает, если долго смотреть в слив.

Он ничего не сказал. Просто ждал.

— Я не шучу, - спокойно добавила девочка. - Она вообще уже почти не шутила в конце. Ходила как будто у нее в голове есть что-то интереснее людей. А это у двенадцатилетних обычно плохой знак.

— Про подвал она что-нибудь говорила?

— Говорила, что там снизу не темно, а просто кто-то все время лежит между светом.

Вот здесь даже Софья слегка повернула голову.

— И еще, - сказала девочка. - Она однажды сказала, что если оно когда-нибудь станет полным, город сразу поймет. Потому что птицы исчезнут совсем.

— Почему птицы?

Вика пожала плечами.

— Потому что сначала всегда они.

После этого она развернулась и ушла на урок так, словно разговор уже закончился еще до того, как начался.

На улице он долго не садился в машину.

Школа за спиной гудела обычной, раздражающе живой жизнью. Смех, крики, хлопки дверей. Всё как положено месту, где должно быть безопасно. И именно поэтому хотелось вырвать у здания фасад и проверить, что у него под ребрами.

Софья стояла рядом, засунув руки в карманы.

— Что думаете? - спросила она.

— Думаю, взрослые здесь либо безнадежно тупы, либо очень дисциплинированно слепы.

— Это почти одно и то же.

— Нет. Во втором случае они делают выбор.

Он посмотрел на часы. Полдень прошел, а день уже успел обрести таким количеством дурных нитей, что к вечеру обещал превратиться в клубок.

— Едем к мойке еще раз, - сказал он. - Потом в церковь.

— Зачем?

— Потому что мне не нравится, когда в городе уже есть человек, который разговаривает так, будто успел опередить события. Это либо шарлатан, либо кто-то, кому письмо пришло раньше остальных. Оба варианта мне неприятны.

Софья кивнула.

Они сели в машину, и когда он завел двигатель, в кармане куртки тихо вибрировал телефон. Новый номер. Новое сообщение.

Он прочитал его не сразу. Сначала почему-то посмотрел в зеркало заднего вида. На пустую школьную площадку. На серое небо. На собственные глаза, в которых снова появилось то выражение, за которое его раньше одновременно уважали и старались обходить подальше.

Только потом открыл сообщение.

"Сегодня не ходите под землю. Оно уже слышало вас".

Он показал экран Софье.

Та прочитала и побледнела, но на этот раз не от страха. Скорее от того, что некоторые вещи, однажды начавшись, очень быстро привыкают к твоему номеру телефона.

Глава 3. Птицы

К мойке они поехали молча.

Не из той молчаливости, которая бывает между людьми, уже договорившими главное, а из другой, более неприятной. Когда слова еще возможны, но любое из них кажется либо преждевременным, либо слишком маленьким для того, что уже начало складываться вокруг.

Софья сидела, глядя в окно, и время от времени проверяла телефон, будто надеялась, что следующий сигнал все объяснит. Детектив держал руки на руле слишком спокойно. Это было у него старое. Когда внутри становилось хуже, снаружи все, наоборот, выравнивалось.

На перекрестке у хлебного киоска стояла женщина с пакетом и смотрела в одну сторону улицы так долго, что ее тело уже успело застыть в этой позе. Мимо нее шли люди, обходили, не задевая, как обходят столб или рекламный щит. Женщина не двигалась.

Он притормозил.

— Знакомая картина? - спросила Софья, не поворачивая головы.

— Пока нет.

— Здесь иногда зависают.

— В смысле?

— Просто стоят. Секунду. Две. Пять. Потом как будто вспоминают, что они люди, и идут дальше.

— И никого это не беспокоит?

— Беспокоит, - ответила она. - Но так, чтобы без последствий. Как плохой сон. Обсудили и забыли.

Женщина наконец моргнула, поправила пакет и пошла через дорогу, даже не оглянувшись по сторонам.

Он поехал дальше.

У мойки ветер гонял по бетону мокрую обертку и серые перья. Их стало больше. Вчера он видел в основном следы старой жизни: хлам, мусор, вымершую технику, следы подростков, ввевшуюся в кирпич сырость. Сегодня место выглядело так, будто за ночь в нем что-то острожно перетрясли. Не разнесли, не сломали, а именно подвинули внутри, как двигают предметы в чужой комнате люди, уверенные, что хозяин все равно ничего не докажет.

Он вышел из машины первым.

Софья догнала его у ворот.

— Мне не нравится, - сказала она тихо.

— Сильное наблюдение.

— Я серьезно. Здесь как-то... плотнее.

Он не стал спорить. Сам чувствовал то же самое. Воздух у мойки был гуще. Не физически, конечно. Просто взгляд цеплялся за предметы не так, как должен. Дольше. С трудом соскальзывал. Особенно со стеклянных поверхностей, даже самых маленьких.

Внутри бокса стало темнее, хотя небо снаружи было светлее, чем утром.

Он пошел сразу к той двери со стеклом.

Теперь отражение было хуже. Не страшнее, не явнее. Просто хуже. Мутное, как если бы стекло за ночь изнутри кто-то вытер грязной ладонью. Он увидел себя, Софью за плечом, квадрат света за воротами и что-то еще, слишком светлое, лежащее у дальней стены.

Он повернулся.

У стены действительно что-то было.

Сначала ему показалось, что пакет. Потом подошел ближе и понял: птица.

Большая. Ворон или грач. Черные перья намокли и склеились, поэтому тушка казалась меньше, чем должна была, но клюв оставался тяжелым, вмятым, деловито злым. Птица лежала на боку в неестественной позе, с вывернутой шеей и расправленным наполовину крылом.

— Была здесь вчера? - спросила Софья.

— Нет.

Он присел.

Труп был свежий. Не теплый, конечно, но еще не успевший ни распухнуть, ни одеревенеть до конца. Под клювом на бетоне виднелась маленькая темная лужица. Крови было мало. Неприлично мало для такой шеи.

Он осторожно коснулся пера кончиком ручки.

Птица словно распалась на взгляд еще до прикосновения. Не в буквальном смысле. Просто становилось ясно, что это уже не цельное существо. Что в ней давно кто-то покопался. Внутри шеи виднелась тонкая щель. Не рваная. Скорее как если бы кто-то с интересом разъединил части и не до конца понял, как они сходились изначально.

— Господи, - выдохнула Софья.

— Не приплетайте лишних специалистов.

Он посветил глубже, туда, где под перьями темнела кожа.

Несколько маленьких косточек в области плечевого пояса лежали не так. Словно кто-то пытался отвести крыло дальше, чем это позволяло строение птицы, и для этого немного помог ему изнутри.

— Это кто сделал? - спросила Софья.

— Тот, кто не голоден.

Она посмотрела на него резко.

— В смысле?

— Если бы жрали, жрали бы проще.

Он выпрямился и отошел на шаг.

Еще две птицы лежали дальше, у сливного желоба. Маленькие, серые, почти слипшиеся с бетонной грязью. Одной не хватало головы. У другой грудная клетка была раскрыта так аккуратно, что выглядела не разорванной, а расстегнутой.

Софья закрыла нос ладонью.

— Я сейчас очень не хочу сказать что-нибудь тупое.

— Поздно. Все уже тупое.

Он медленно пошел вдоль стены. Птиц становилось больше. Не россыпь. Не свалка. Скорее маршрут. Как будто их клали или роняли по ходу движения. Мелкие, крупные, почти целые и разъятые так, будто кто-то учился на них.

В дальнем углу, возле старого компрессора, он остановился окончательно.

Там, на листе ржавого железа, лежала конструкция.

Иного слова не было.

Не куча и не останки. Именно конструкция. Из трех птичьих тел, соединенных между собой так, как не мог соединить ни хищник, ни человек в здравом уме. Лапки одной птицы были вдавлены под ребра другой. Крыло третьей тянулось вверх под неправильным углом, как пробная конечность. Шеи переплетались, но не в борьбе, а в попытке дать чему-то одно направление.

И среди черных перьев блестело маленькое человеческое украшение: дешевое кольцо из цветного пластика, будто случайно застрявшее в этом месиве.

Софья тихо сказала:

— Это не может быть детским.

Он не сразу понял, о чем она. Потом проследил за ее взглядом.

Между перьями и сухожилиями действительно торчал фрагмент кожи. Не птичьей. Светлой. Слишком гладкой.

Он наклонился ниже. Очень медленно.

Это оказался кусок не кожи, а резиновой перчатки. Тонкой, телесного цвета, обрезанной и запутавшейся в птичьих лапках.

Напряжение не спало, просто стало другим. Человеческим. Более грязным и менее объяснимым.

— Кто-то игрался? - спросила Софья.

— Кто-то был рядом.

Он достал пакет, убрал туда кольцо и кусок перчатки.

Потом еще раз посмотрел на конструкцию из птиц.

Больше всего раздражало именно направление. Как будто все эти тела не просто раздвигали, а подчиняли одной мысли. Неудачной, но настойчивой.

— Птицы сначала, - пробормотал он.

— Что?

— Ничего.

Но это было не ничто. Слова мальчика в школе, слова Артема, даже ремарка рыжей девочки о том, что птицы исчезнут первыми. Все это болталось в голове отдельно, а теперь начало тянуться друг к другу тонкими, склизкими нитями.

Он вышел наружу, закуривать по-прежнему не мог, поэтому просто стоял у ворот и смотрел на серое небо, где не было почти ни одной птицы.

Это заметила и Софья.

— Странно, - сказала она.

— Что именно?

— Что их нет.

Он тоже запрокинул голову. Обычно даже над самым бедным городом есть кто-то. Вороны над мусоркой. Голуби у крыш. Сороки на проводах. Здесь не было почти никого. Вдалеке, над промзоной, пролетела одна одинокая птица, и то так низко, словно боялась неба сильнее земли.

— Сколько я уже здесь? - спросил он.

— Третий день пошел.

— А вы?

— Всю жизнь.

— Когда в последний раз было столько мертвых птиц?

Софья долго молчала.

— Никогда.

Он снова посмотрел внутрь мойки.

— Нужна лаборатория. Фотографии, пробы, все по-человечески.

— По-человечески у нас не будет.

— Тогда хотя бы по убудочно-провинциальному. Но быстро.

Они вернулись в отдел к обеду. Старостин встретил их выражением лица человека, который уже устал от еще не озвученной проблемы.

— Только не говорите, что у нас теперь и птичий апокалипсис в повестке.

— У вас в повестке уже давно дерьмо, просто вы его называете местной спецификой, - сказал детектив. - Дайте мешки, фотоаппарат и кого-нибудь, кто не падает в обморок от вида трупов.

— У нас почти все падают.

— Тогда возьмите самого тощего. Они обычно держатся из злости.

Старостин прищурился.

— Вы решили серьезно этим заниматься?

— Нет, я таскаю дохлых птиц по городу для интерьерного вдохновения.

Старостин хотел что-то ответить, но, видимо, передумал. Только протер лицо ладонью и кивнул в сторону коридора.

— Возьмите Пашку. Он сегодня дежурный по выездам.

Пашка оказался тем самым типом, которого города вроде этого штампуют пачками. Двадцать с чем-то, высокий, костлявый, с лицом, на котором еще не решили, что вырастет раньше: усы или усталость. Увидев, куда его отправляют, он явно пожалел обо всех грехах сразу.

Но к мойке съездил, птиц сфотографировал, пакеты держал и даже не блевал, что уже делало его полезнее половины отдела.

Пока они работали, снаружи стали собираться местные.

Всегда так. Стоит полиции чуть дольше задержаться в одном месте, как пространство вокруг начинает порождать свидетелей, наблюдателей, комментаторов и живые сосуды для слухов. Люди подходили не близко, но достаточно, чтобы мешать. Две старухи. Мужик в ватнике. Женщина с ребенком. Подростки, конечно, тоже.

Говорили они тихо. Но не настолько, чтобы он не слышал.

— Опять птицы.

— Это к морозу.

— Какой мороз, дура.

— А я тебе говорю, раньше тоже так было.

— Когда раньше?

— Ну... раньше.

— Не раньше, а когда шахту закрывали.

На этом он обернулся.

Старуха, сказавшая последнюю фразу, сразу сделала вид, что ничего не произносила.

Он подошел ближе.

— Когда закрывали?

Она смотрела куда угодно, только не на него.

— Да чего вы. Старое это.

— Мне как раз старое и нужно.

Вторая старуха, более сухая и злая лицом, фыркнула:

— Тут после аварии тоже птиц много дохло. Только тогда сказали, от газа.

— Какой аварии?

Мужик в ватнике вмешался раньше:

— На седьмой выработке, лет семьдесят назад. Завалило кого-то. Потом шахты прикрыли частично. А потом уже все остальное.

— Кого завалило?

— Да кто ж теперь помнит.

Первая старуха наконец посмотрела на него. И в этом взгляде, мутноватом, старом, вдруг мелькнуло очень конкретное чувство: нежелание, чтобы он копал туда.

— Не людей, - сказала она. - Птиц тогда тоже находили. На проводах. На дворах. Как тряпки.

— И что говорили?

— Что из земли что-то идет.

Мужик тут же недовольно дернул плечом.

— Тетя Клава, опять вас понесло.

— А тебя не понесло? Ты сам потом месяц свет не включал, пока по двору голуби валялись.

Он запомнил фамилии и лица. Не из уважения. Из необходимости. Люди иногда врут не потому, что хотят обмануть, а потому, что их собственная память давно уже состоит из зашитых дырок. Но в этих дырках нередко сидит полезное.

Когда они закончили, солнца так и не было. День держался на одной и той же серой ноте, как заевшая пластинка. По дороге назад Софья перебирала бумаги на коленях.

— У нас в архиве может быть что-то по шахтной аварии, - сказала она. - Старые газеты, может, протоколы.

— Достаньте.

— Старостин не даст просто так.

— Тогда не спрашивайте просто так.

Она кивнула, и в этом движении было больше готовности, чем он ожидал. Либо ей тоже уже надоела их общая местная слепота, либо она просто была достаточно молода, чтобы путать любопытство со смелостью.

В отделе его ждал новый сюрприз, от которого захотелось засмеяться и ударить что-нибудь одновременно.

В архивной сидел священник.

Не развалившись, не вольготно, не как человек, пришедший хозяйничать. Напротив. Он сидел слишком прямо, почти неподвижно, как если бы принадлежал комнате меньше, чем мебель. На столе перед ним лежала раскрытая папка, к которой он даже не прикасался в тот момент, когда детектив вошел.

— Это уже вторжение в профессиональную деградацию, - сказал он, закрывая дверь за собой. - Вы теперь и по кабинетам полиции бродите без приглашения?

Священник поднял взгляд.

— У меня было приглашение.

— От кого?

— От вашего замначальника.

— Прекрасно. Значит, в отделе есть два человека, которые раздражают меня с утра, и один из них носит рясу.

Священник закрыл папку. Медленно, без злости, что делало все происходящее еще более тошнотворным.

— Вы нашли птиц, - сказал он.

Это не было вопросом.

— А вы, значит, уже успели поговорить с воздухом?

— Нет. С мальчиком, который живет возле оврага. Он рассказал, куда вы утром поехали.

— И вы решили обогнать меня с выводами.

— Я решил предупредить.

— Вы не умеете предупреждать. Вы умеете только бесить.

Софья вошла за ним, увидела священника и сразу будто уменьшилась на полтона. Не испугалась. Просто напряглась так, как напрягаются люди рядом с холодной водой, в которую, возможно, придется лезть.

— Что вы тут делаете? - спросила она.

— То же, что и всегда, - ответил священник. - Пытаюсь, чтобы вы все дожили до вечера.

— Очень скромно.

Детектив бросил на стол пакет с уликами.

— Говорите.

Священник посмотрел на пакет.

— Оно учится.

— Я уже слышал пафосную версию.

— Это не пафос. Это стадия.

— Чья?

— Его.

Тишина между ними стала уже почти привычной. Как если бы каждый разговор со священником неизбежно доходил до точки, где один из них должен был либо засмеяться, либо признать, что слишком устал для нормального скепсиса.

Детектив облокотился о стол.

— Хорошо. Давайте еще раз. Только по-человечески. Без ваших красивых формулировок про форму, тьму и прочую религиозную гастрономию. У нас дети. У нас шахты. У нас мертвые птицы, которых не жрали, а будто разбирали. И у нас вы, появившийся ровно тогда, когда все началось. Почему?

Священник молчал достаточно долго, чтобы это стало похожим на проверку, а не на раздумье.

— Потому что меня позвали раньше, чем вас.

— Кто?

— Та же, кто писал мне.

— Женщина на букву А. Да, я помню. Мой любимый кружок анонимных истериков.

На этот раз священник чуть заметно улыбнулся. И именно это было в нем самым неприятным. Улыбка не делала его мягче. Наоборот. Только показывала, что все его резкие углы на месте и он это знает.

— Я не собираюсь убеждать вас верить мне, - сказал он. - Это было бы пустой тратой времени. Но я советую вам не относиться к птицам как к фону. Они не фон. Они первая проба.

Софья тихо спросила:

— Проба чего?

Священник перевел взгляд на нее.

— Сборки.

И вот это слово, произнесенное спокойно, без нажима, без попытки произвести эффект, прошло по комнате хуже любого шепота.

Детектив усмехнулся криво.

— Наконец-то. Хоть что-то новое.

— Нет, - сказал священник. - Ничего нового. Просто вы еще не видели достаточно.

— Тогда просветите.

— Не сейчас.

— Тогда зачем пришли?

— Сказать, что сегодня ночью вам лучше не ходить к шахтам.

— Еще один совет.

— Не совет. Ограничение.

— Простите, а вы с какой позиции запрещаете мне что-либо?

— С позиции человека, который уже спускался туда.

Эта фраза ударила точно.

Софья резко повернулась к нему.

— Вы были в шахтах?

Священник не ответил ей сразу. Смотрел на детектива.

— Были? - повторил тот.

— Да.

— Когда?

— До вашего приезда.

— И что нашли?

— Достаточно, чтобы уйти.

— Очень удобно.

— Совсем нет.

Детектив подошел ближе.

— Вы что-то вынесли оттуда?

Пауза длилась недопустимо долго.

— Нет, - сказал священник.

Это прозвучало почти безупречно. Почти. Но не совсем. Либо он лгал, либо в этом "нет" было слишком много других слов, которые он решил не произносить.

— Почему ушли? - спросил детектив.

— Потому что услышал, как оно движется ближе, чем должно было.

— Как именно?

— Как будто кто-то учится играть на очень большом инструменте, не зная, что у него вместо клавиш суставы.

Софья отвернулась первой. Не потому, что испугалась. Просто образ оказался слишком хорошим, чтобы слушать его лицом.

— Вы ведь понимаете, что после такой фразы у меня выбор невелик, - сказал детектив.

- Либо отправить вас на психиатрическую экспертизу, либо почему-то продолжить разговор.

— И вы продолжите.

— Да. К моему сожалению.

В этот момент в дверь постучали. Не робко, а торопливо. Старостин вошел, не дожидаясь ответа.

И сразу остановился, увидев их троих в архивной.

— Замечательно, - сказал он. - Я как раз думал, чего этому дню не хватает. Секты.

— Мы не секта, - тихо отозвался священник.

— Конечно. Еще хуже.

Старостин бросил на стол тонкую папку.

— По птицам и животным. То, что успели собрать за месяц. И по шахтной аварии нашлось немного. Газеты, вырезки, старые протоколы. Половина утонула в подвале в девятых, так что не благодарите.

Детектив открыл папку сразу.

Внутри были заявления, написанные разными руками и в разной степени отчаяния. "Не вернулась собака". "Пять кур найдены во дворе мертвыми". "Кошка исчезла, на снегу кровь". "Во дворе лежали три вороны без голов". "Козы будто порваны, но мясо почти на месте". "Ребенок жалуется на стук под полом". "Птицы бьются в окно сарая ночью". "У старой котельной много мертвых голубей".

Он листал быстро, уже не читая каждое слово, а вбирая рисунок.

— Никто не связывал это между собой? - спросил он.

— Связывали, - ответил Старостин. - С весной, с собаками, с бомжами, с подростками, с чертом. Выбирайте.

— Отлично. Авария?

Старостин неохотно ткнул в другую часть папки.

Старая газетная вырезка была бледной, почти желтой. Заголовок: "На седьмой выработке ликвидированы последствия подземного обрушения". Дата едва читалась, но год проступал ясно. Семидесятые. Ниже шли сухие, убитые редактурой абзацы о героизме, оперативной работе и своевременной изоляции опасного участка.

В самой нижней строке, почти невидимой, упоминались "аномальное поведение шахтной фауны" и "случаи массовой гибели птиц в прилегающем секторе".

Он перечитал этот кусок дважды.

— Вот и ваш мороз, - сказал он тихо.

— Что? - не понял Старостин.

— Ничего.

Священник стоял у стены и читал через его плечо так спокойно, будто ждал именно этого.

— Вы знали? - спросил детектив, не поднимая глаз.

— Я предполагал, - ответил тот.

— На основании чего?

— На основании того, что некоторые вещи не приходят в город впервые. Они просто долго лежат ниже человеческой памяти.

— Опять поэзия.

— У вас мертвые птицы, дети и шахты. Вы можете сколько угодно требовать от этого протокольного языка, но оно все равно не станет протоколом.

Старостин с шумом сел на стул.

— Я вот одного не пойму. Почему вы оба говорите так, будто уже согласились, что это не человек?

Детектив закрыл папку.

— Я пока ни с чем не согласился.

— А звучит иначе.

— Это потому, что я умею держать в голове больше одного варианта, не падая в обморок от неопределенности.

Старостин устало посмотрел на священника.

— А вы?

— Я человек веры, - ответил тот.

— Вот уж ни хрена не успокаивает.

К вечеру дождь все-таки начался. Не ливень. Та самая мелкая, упрямая морось, которая не имеет драматизма, зато отлично умеет делать город старше. На стеклах отдела вода собиралась в тонкие дорожки. В коридорах потемнело еще сильнее.

Он остался в архивной один. Софья ушла копаться в школьных журналах и старых бумагах по техперсоналу. Старостин заперся у себя с отчетами и, судя по звукам, еще одной банкой огурцов. Священник исчез так же тихо, как появился.

Детектив сидел над фотографиями птиц.

Смотрел на них дольше, чем следовало.

Плечевые кости. Раскрытые грудные клетки. Сломанные шеи. Направление, которое не давало ему покоя. Как будто кто-то, не понимающий тела, все же пытался из нескольких неправильных вещей получить одну правильную.

Он перевел взгляд на доску, где уже висели фотокопии детей, карта, адреса, пометки, стрелки и его собственный мелкий злой почерк.

Лера. Даня. Артем. Шахты. Школа. Мойка. Котельная.

И птицы.

Сначала птицы.

Он встал и подошел к окну.

Во дворе под дождем стояли две машины. На проводе у забора сидела одна ворона. Черная, мокрая, неподвижная. Она смотрела не вниз и не в сторону. Прямо в окно архивной.

Он стоял и смотрел на нее тоже.

Прошла секунда.

Две.

Три.

Потом птица открыла клюв.

Не каркнула. Просто открыла его, будто собиралась что-то сказать, но не знала, как.

Он почувствовал, как по спине поднимается холод, тот самый, который не имеет отношения к температуре. Ворона закрыла клюв, качнулась и вдруг сорвалась вниз, ударившись о мокрый асфальт так тяжело, что звук дошел до него даже сквозь стекло.

Он выскочил из комнаты сразу. По коридору, вниз, во двор. Дождь ударил в лицо холодной пылью. Птица лежала у самой лужи, дергаясь еще секунду, потом замерла.

Старостин выглянул из дверей:

— Что теперь?

Он не ответил. Присел рядом с вороной.

Шея.

Снова шея. Снова слишком мало крови. И взгляд стеклянного птичьего глаза, в котором до последнего оставалась какая-то нелепая попытка удержать мир фокусом.

В луже рядом что-то дрогнуло.

Он поднял голову резко.

Там, в отражении серого неба, на долю секунды мелькнула длинная темная линия, будто под поверхностью воды что-то медленно повернулось.

Он отступил сразу.

Не потому, что поверил. А потому, что слишком хорошо помнил записку мальчика: не смотреть в лужу у забора. Там шевелится небо.

Старостин стоял под козырьком и смотрел на него так, словно еще чуть-чуть, и он вызовет санитаров не ради злобы, а ради рабочего комфорта.

— Видели? - спросил детектив.

— Птица упала, - ответил тот. - Да. Видел.

— До этого.

— Ничего до этого я не видел.

И тут же отвел взгляд.

Вечером, уже в комнате, он снова повесил зеркало, хотя с утра и не снимал полотенца.

Телефон лежал на столе. Молчал.

Это раздражало сильнее новых сообщений.

Снаружи капала вода. В коридоре смеялись чужие люди. Кто-то уронил кастрюлю. Дверь хлопнула. Обычная жизнь старалась изо всех сил, как плохой актер, которому велели играть убедительно.

Он сел на край кровати и достал блокнот.

Сегодня:

птицы не как фон.

первая проба.

авария в семидесятых.

массовая гибель птиц уже была.

сборка.

священник был в шахтах.

священник лжет.

Старостин тоже.

Он поставил точку.

Потом ниже дописал:

что именно пытается собрать себя из птиц, прежде чем перейти на большее?

Некоторое время смотрел на эту фразу.

Потом зачеркнул "что" и написал сверху:

кто.

Ночью сон пришел быстро, как бывает после дней, когда усталость успевает перегнать в напряжение.

И почти сразу он оказался в том же тоннеле, что и прошлой ночью.

Только теперь по стенам были не лица.

Птицы.

Сотни. Прибитые, впечатанные, вросшие в камень крыльями. Некоторые почти целые. Некоторые вскрытые. Некоторые будто начатые и брошенные на середине работы. Когда он шел мимо, они не оживали, не кричали, не били крыльями. Они просто медленно поворачивали головы вслед за ним.

В конце тоннеля снова стояло оно.

На этот раз выше.

Длиннее.

Уже не на множестве рук, а на чем-то, что только пыталось стать ногами и все еще забывало, как ими пользоваться. Птичьи шеи торчали из его боков, как неудачные мысли. Вместо спины тянулась дрожащая линия суставов. И все это держалось на одном упрямом усилии, как будто тварь очень хотела впечатлеть саму себя тем, что почти научилась быть телом.

Когда оно двинулось, сначала двинулись не те части.

Левая сторона опоздала. Верхний сегмент дернулся слишком рано. Что-то, похожее на крыло, попыталось раскрыться и тут же втянулось обратно. Оно злилось не по-человечески. Не яростью. Раздражением неудачного механизма, снова собранного неверно.

Потом оно подняло то, что, вероятно, должно было быть головой.

И он увидел, что лицо у него все еще не одно.

Пустота посередине, как вчера, исчезла.

Теперь там было несколько птичьих клювов, вставленных вокруг человеческого рта.

Рот открылся.

И из него детским голосом прозвучало только одно слово:

— Смотри.

Он проснулся резко, с болью в челюсти оттого, как сильно сжал зубы во сне.

В комнате было темно. Лампа погасла. За окном стучал дождь.

Телефон на столе светился.

Новое сообщение пришло две минуты назад.

Он потянулся к нему уже зная, что не понравится ни одно слово.

На экране было написано:

"Птиц больше не хватит".

Глава 4. Повтор

Сообщение висело на экране несколько секунд, пока он просто смотрел на него, не двигаясь.

"Птиц больше не хватит".

Без подписи. С того же типа местного номера или с другого, он проверил не сразу. В первый момент важнее было не это. Важнее было само построение фразы. Не угроза. Не предупреждение. Не истерика подростка. Констатация. Почти хозяйственная. Как если бы ему сообщали, что в складе закончились ящики и дальше придется грузить товар вручную.

Он взял телефон, проверил номер.

Другой.

Конечно.

На секунду захотелось ударить устройством об стену. Не потому что это что-то бы решило. Просто иногда предметы раздражают сильнее людей, когда становятся проводниками чужой воли. Но он только опустил руку и сел на кровати, глядя на полотенца, закрывавшие зеркало.

В комнате было тихо. Нормально тихо. За стеной кто-то кашлял, потом долго шуршал одеялом. Снизу по трубам прошел короткий стук. Снаружи дождь то усиливался, то почти стихал. Мир вел себя как мир.

Это всегда было самым удобным моментом для ошибки.

Он встал, подошел к столу, открыл блокнот и под вчерашней записью дописал:

"Птиц больше не хватит".

Значит, были первым материалом.

Значит, дальше нужно большее.

Потом рядом, почти машинально:

Кто пишет?

Кто знает, где я?

Кто хочет предупредить, а кто ведет?

Он поставил точку и сразу же понял, что не уснет.

Не по-настоящему.

Лег, закрыл глаза, пролежал десять минут, слушая дождь и коридорные шаги. Потом сел снова, взял сигареты, которые все еще не курил, достал одну, повертел в пальцах и опять убрал. В клинике ему говорили: замечайте импульс, не выполняйте его. Смешная, жалкая инструкция для людей, которым кажется, что жизнь состоит из управляемых движений. Иногда импульс не просит табака. Иногда он просит выехать ночью к шахтам, потому что если не выехать сейчас, мысль прогрызет тебя изнутри до утра.

Он дождался пяти, больше из принципа, а не из дисциплины. Потом умылся, не трогая полотенца на зеркале, оделся и поехал в отдел.

Город на рассвете выглядел не мертвым, а выцветшим. Дождь вымыл с улиц всякую попытку живости. Бетон, асфальт, лужи, редкие вывески, темные окна. На перекрестке возле булочной стоял фургон с хлебом, и двое мужчин в мокрых куртках молча таскали ящики так сосредоточенно, будто это был единственный ритуал, удерживающий место от распада. Над проводами по-прежнему почти не было птиц.

В отделе пахло вчерашним кофе, бумагой и влажной формой. Дежурный спал полусидя, положив голову на руку. Увидев детектива, вздрогнул, будто его поймали не на сне, а на преступлении.

— Утро, - сказал тот.

— Скорее уже да, - согласился дежурный.

— Кто ночью дежурил по связи?

— Я. И Исаев до трех.

— Поступало что-то по Южному сектору?

Тот полистал журнал.

— Шум у гаражей. Семейная ссора на Рабочей. Жалоба на свет в промзоне. Но там какой-то дед звонил, его все знают.

— Свет где именно?

— Возле старой котельной. Или мойки. Он путался.

— Номер деда.

Дежурный продиктовал.

Детектив записал и уже повернулся уходить, когда тот вдруг сказал:

— Вам ночью тоже писали?

Он остановился.

— Тоже?

Дежурный сразу пожалел, что открыл рот. Это было видно по тому, как он выпрямился, как отвел глаза к журналу.

— Да так. Просто.

— Говори.

— Мне не писали. Звонили. Два раза за неделю. Один и тот же голос. Детский. Просил не посылать никого под землю после заката.

— Почему не доложил?

Тот хмыкнул с почти болезненной неловкостью.

— Потому что если я доложу начальству, что мне звонит ребенок и просит не лезть под землю, меня начнут звать батюшкой раньше времени.

— Номер определился?

— Нет.

— Голос мальчика или девочки?

— Не понял. Слишком ровный.

— Что значит ровный?

— Без возраста. Как будто... - он замялся. - Как будто читает.

Вот это было уже ближе к делу, чем хотелось.

Он поднялся в архивную. Софья пришла минут через пятнадцать, мокрая, с красными от холода руками и пакетом документов, который прижимала к груди так, будто там внутри лежала не бумага, а что-то, способное сбежать.

— Вы здесь давно? - спросила она, увидев его.

— Достаточно, чтобы уже не уважать утро.

— Я кое-что нашла.

Она выложила на стол старые подшивки, вырезки, ученические журналы и две тонкие картонные папки с архивным штампом. Бумага пахла сыростью и пылью так сильно, что казалось, будто прошлое в этом городе хранится не в памяти, а в грибке.

— Что именно?

— По шахтной аварии почти ничего внятного. Все сухо, как советская смерть. Но в школьных бумагах нашлись списки детей, которых переводили или снимали с занятий в тот период. И там странная штука.

— Какая?

Она открыла журнал на заложенной странице.

— В течение месяца после аварии девять учеников перестали ходить в школу. Не навсегда. На две-три недели. Причины разные: "нервное истощение", "состояние после лихорадки", "семейные обстоятельства", "лечение в области". Но почти все из одного района. Южного.

Он наклонился ближе.

Фамилии ему ничего не говорили. Адреса уже больше.

— И что в этом странного, кроме советской любви к эвфемизмам?

— То, что четверо из них потом снова попали в журналы с пометками о нарушениях поведения. Страх темноты. Истерики. Нежелание смотреть в окна. У одной девочки в характеристике прямо написано: "боится отражающих поверхностей, просит завешивать стекло в классе". Для семидесятых это почти художественная литература.

Он перечитал характеристику.

Действительно. Очень редкий для такой бумаги нерв. Обычно там пишут "замкнута", "плохо участвует в общественной жизни", "неусидчива". А здесь кто-то позволил себе точность.

— Кто заполнял?

— Школьный врач и завуч. Обе давно умерли.

— Прекрасная дисциплина расследования.

Софья достала еще одну бумагу.

— А это интереснее. Из местной газеты. Маленькая заметка внизу страницы. Не про аварию даже. Про "участившиеся случаи детской лжи и суеверий". Тут пишут, что среди подростков распространились "вредные рассказы о существах в подземных ходах, использующих образы животных и погибших знакомых для запугивания".

Он поднял взгляд на нее.

— Это уже не сухая советская смерть. Это кто-то испугался текста и решил его задушить газетой.

— Я тоже так подумала.

— Значит, кто-то рассказывал достаточно похоже. Не просто про черта в шахте, а про подмену образов.

Он взял вырезку в руки.

Бумага была тонкая, с надрывом по краю. Слова расплывались от времени. Но сама структура заметки уже раздражала. Не опровержение суеверий, а заранее выданная инструкция: дети лгут, родители не поддавайтесь, подземные работы не представляют угрозы, распространителей паники ждет ответственность.

Когда властям приходится так настойчиво объяснять, что ничего нет, обычно это значит, что ничего уже очень мешает.

— По текущим детям что-нибудь? - спросил он.

— По Лере новый сосед всплыл. Говорит, видел ее не только у техникума, но и раньше, у школы. Она сидела на корточках возле ливневки и с кем-то разговаривала.

— С кем?

— Он не видел. Решил, что по телефону. Но телефона в руках у нее не было.

Он помолчал.

— Даня?

— Бабка вспомнила, что за день до исчезновения он притащил домой мертвую птицу.

Он поднял голову.

— Какую?

— Воробья. Хотел "показать, как у него внутри все устроено". Бабка решила, что мальчишки совсем озверели, отняла и выбросила.

Вот это уже было не случайное эхо. Уже повтор.

— Артем?

— Ночью температура поднялась. Мать никого не пускает. Говорит, он бредит.

— Чем?

— Не знаю. Не открывает.

Он постучал ручкой по столу.

Лера у ливневки.

Даня с птицей.

Артем с "лицом", которое он держал рукой.

Старые школьные журналы после аварии.

Дети, которые что-то видят быстрее взрослых и дольше не успевают сделать вид, что этого не было.

— Нам нужно понять, как именно оно повторяется, - сказал он.

— Оно?

— Не радуйтесь. Я не капитулировал перед мистикой. Я просто даю рабочее имя тому, что пока не укладывается в обычный мусорный маньяк.

— А если это все-таки человек?

— Тогда у него очень последовательная фантазия и доступ к большому количеству чужого ужаса. Тоже вариант.

В этот момент в дверь без стука просунулась голова Пашки.

— Там баба пришла. Говорит, к вам. По птицам.

— Какая баба?

— Обычная такая. В платке. Заплаканная. С клеткой.

— С какой еще клеткой?

— С птичьей, - мрачно сказал Пашка. - Очень атмосферно.

Во дворе под козырьком стояла женщина лет пятидесяти, крепкая, сутулая, с лицом, которое еще недавно могло быть суровым, но сейчас просто разваливалось от бессонницы. В руках у нее действительно была клетка, накрытая полотенцем.

Увидев детектива, она шагнула вперед так резко, будто боялась, что если задержится еще на секунду, то уйдет обратно и больше не решится.

— Это вы по детям? - спросила она.

— Я.

— И по птицам тоже?

— Уже да.

Она дернула полотенце.

В клетке лежала мертвая канарейка. Ярко-желтый, почти игрушечный, с запрокинутой головой и раскрытым клювом.

— Сегодня утром, - сказала женщина. - Я встала, а он такой. Но это не главное.

— А что главное?

— Он сначала начал биться о прутья. Ночью. Я думала, коты за окном. Включила свет, а он смотрит вниз клетки и орет, как резаный. Не на меня. Не на окно. Вниз. А потом как будто его кто-то рукой взял внутри и вывернул.

Последняя фраза была слишком точной для бытовой истерики.

— Где вы живете?

Она назвала улицу.

Южная часть. Почти у старой канализационной линии, отмеченной на карте тонким серым штрихом.

Конечно.

— Другие птицы дома есть?

— Нет. Только он был.

— Кошки, собаки?

— Кошка пропала неделю назад.

— Как?

— Да никак. Вышла во двор и не вернулась.

Он кивнул.

— Почему пришли именно сейчас?

Женщина посмотрела на клетку.

— Потому что у соседки попугай вчера тоже умер. А до этого у дочкиной свекрови голуби перестали садиться на крышу. И еще потому, что я всю ночь слышала, будто кто-то ходит под домом. Не во дворе. Под домом. А у нас там только сырой подпол.

Софья рядом еле заметно напряглась.

— Можно к вам? - спросил детектив.

— Сейчас?

— Сейчас.

Дом женщины оказался в старом квартале, где участки шли почти без просветов, а огорды упирались друг в друга, как спины уставших людей в очереди. Под ногами хлюпала глина. Заборы темнели от дождя. Почти в каждом дворе что-то скрипело или стучало, но этот микрорайон все равно казался слишком тихим. Не потому что беззвучным. Просто звуки здесь жили отдельно от людей.

Женщину звали Валентина. В доме пахло газом, яблоками и кошачьим кормом, хотя кошки уже не было. Она провела их на кухню, где на подоконнике стояла еще одна пустая клетка, побольше, и блюдо с небруанным кормом.

— Он бился вот тут, - сказала она, показывая на угол маленькой клетки. - А потом упал и все.

— Подпол где?

Она показала вниз.

Люк находился в коридоре, закрытый ковриком с надписью "добро пожаловать". Настолько пошло, что даже почти красиво.

Он отодвинул коврик, поднял крышку.

Снизу пахло сырой землей, гнилью и чем-то сладковатым. Не сильно. Но достаточно, чтобы тело успело узнать запах раньше мозга.

— Фонарь.

Софья молча подала.

Подпол был низким, с земляным полом и деревянными балками, почерневшими от времени. Банки, ящики, старая рама, обрубок детских санок. И перья.

Очень много перьев.

Они лежали в углу, будто их туда намело, но намести их было некому. Белые, серые, желтые. Мелкие. Крупные. Несколько прилипли к влажной доске, как если бы что-то снизу отряхнулось, не понимая, что оставляет след.

Он спустился первым.

Доски под ногами не скрипели, земля мягко пружинила. В дальнем углу, за банками с соленьями, виднелась темная дыра размером с кулак. Слишком ровная, чтобы быть случайной. И вокруг нее земля была разрыта.

— У вас тут мыши? - спросил он.

— Бывали.

— Такие?

Валентина сверху молчала.

Он присел у дыры.

Пальцы в перчатке коснулись края. Влажно. Мягко. Будто ход недавно расширяли. Не лопатой. Чем-то, что продиралось изнутри короткими усилиями.

Рядом, в комке перьев, блеснуло что-то темное. Он вытащил.

Глаз.

Птичий. Высохший, мутный, почти похожий на ягоду, если смотреть слишком быстро.

Он поднялся наверх не сразу. Несколько секунд просто стоял в полуприседе и прислушивался. Снизу, за пределами видимого подпола, тянулось продолжение сырости и пустоты. Дом старый. Таких соединений могло быть сколько угодно: дренаж, щели, прогнившие каналы, старые коммуникации. Но за всем этим было что-то еще. Не звук даже. Намек на постоянство. Как будто внизу есть маршрут, по которому уже не первый раз проходит что-то осторожное.

— Там можно пройти дальше? - спросил он, выбравшись наверх.

— Не знаю, - сказала Валентина. - Дед мой говорил, раньше все дома тут снизу были соединены. Еще до войны. То ли для труб, то ли просто так. А потом засыпали.

Конечно. Просто так. Все всегда что-то засыпают просто так.

Он попросил никого не подпускать к подполу, забрал клетку, мертвую птицу и перья в пакеты и уже у двери остановился.

— Ночью, когда птица билась, вы что-нибудь еще слышали?

Валентина задумалась.

— Да. Но я подумала, дождь.

— Что именно?

— Как будто кто-то быстро-быстро перебирает по дереву. Не ногтями. Мелко как-то. Много раз.

Это совпадало слишком красиво, чтобы радоваться.

В машине Софья долго молчала, потом спросила:

— Вы сейчас тоже думаете про повтор?

— Уже не думаю. Уже считаю.

— Что?

— Точки. Дети. Птицы. Подполы. Ливневки. Старые ходы. Канавы. Все, что связано с тем, что снизу. И все, что связано со взглядом сверху вниз.

— Оно подбирается через низ?

— Или просто там движется проще.

Он развернул карту на коленях, когда они остановились у светофора.

— Смотри. Школа с подвалом. Ливневка возле школы. Техникум. Мойка. Котельная. Старые дома с подполами. Это не один тоннель, не один вход и не одно логово, как в дешевом кино. Это сеть. Рваная, старая, полужасыпанная, но сеть.

— И дети почему-то чувствуют ее раньше.

— Потому что дети еще не научились последовательно врать себе, - сказал он. - А взрослые очень талантливы именно в этом.

Она кивнула, глядя не на карту, а в окно, где вдоль обочины бежала мутная вода.

— Вы сказали "оно". Но если это существо, ему ведь нужно выходить. Есть же какие-то следы, нападения, что-то прямое.

— Есть. Просто не там, где все ждут. Животные. Отдельные дети. Отражения. Предупреждения. Паттерн пока не про открытую атаку. Он про наращивание.

— Наращивание чего?

Он вспомнил птиц в мойке. Неправильный вектор костей. Неудачную попытку одной мысли, повторенной разными телами.

— Формы, - сказал он. - По крайней мере пока.

Софья не ответила.

В отделе их уже ждал Старостин с видом человека, который весь день мечтал только об одном: чтобы кто-нибудь другой начал принимать решения.

— Нашли еще что-нибудь прекрасное? - спросил он.

— Подпол с перьями и птичьим глазом, - ответил детектив. - У вас тут прямо город возможностей.

— И что вы хотите?

— Все схемы старых коммуникаций. Подвалы, дренажи, школьные техподполья, законсервированные линии. Хоть что-нибудь.

— Этого нет в одном месте.

— Тогда собирайте в десяти.

— Вы понимаете, сколько это?

— Да. Меньше, чем количество пропавших детей, если мы продолжим изображать, что у вас только семейное и пьяные драки.

Старостин устало провел ладонью по лицу.

— Вы уже говорите, как человек, который нашел себе религию.

— А вы как человек, который давно нашел оправдание.

Старостин дернулся было ответить, но тут в коридоре поднялся шум. Не крик, а тот тип тревожного движения, когда сразу несколько людей начинают говорить на полтона быстрее. Софья первой выглянула за дверь.

— Что там?

Кто-то ответил из дежурки:

— Девочка нашлась.

Он уже шел по коридору, пока фраза еще не успела осесть как следует.

В дежурной сидела женщина, мокрая, заплаканная и почти в истерике. Рядом с ней, на стуле, сутулившись, сидела девочка лет двенадцати в чужой большой куртке. Темные волосы слиплись, пальцы грязные, на колене свежая царапина. Лицо серое, губы чуть синеватые.

Лера.

Фотография в папке не передавала главного. В жизни она выглядела не закрытой. Она выглядела так, будто давно поняла про людей нечто невыгодное и уже не ждет, что они когда-нибудь это догонят.

Теперь же от этого взгляда почти ничего не осталось. Она смотрела перед собой и моргала редко, с неохотой, как если бы веки были отдельной работой.

Мать рыдала:

— Я же говорила, я же говорила, она живая, я говорила вам...

Он присел перед девочкой, не касаясь.

— Лера.

Она перевела взгляд на него не сразу. Узнала. Не лично, а по функции.

— Меня зовут не так, как вы думаете, - сказала она.

Первая фраза была уже плохим знаком.

— Хорошо, - спокойно ответил он. - Как тебя сейчас зовут?

Она чуть пожала плечами.

— Пока можно Лера.

Старостин за его спиной тихо выругался.

— Где ты была? - спросил детектив.

— Внизу.

То же слово. Та же интонация почти отсутствия.

— Где именно?

— Там, где оно учится.

— Ты можешь показать?

— Не сейчас.

— Почему?

Она посмотрела на свои руки. Под ногтями была черная грязь.

— Потому что оно еще помнит, как я выгляжу.

Мать снова всхлипнула, но уже тише, с ужасом, который начинал побеждать радость.

— Что с тобой случилось? - спросил он.

Лера задумалась. Не над ответом, а как будто над тем, какую форму вообще можно дать произошедшему.

— Сначала ничего. Сначала оно просто смотрело через птиц. Потом через воду. Потом через других. А потом решило попробовать ближе.

Софья медленно опустилась на стул у стены.

— Ты видела Даню? - спросил он.

Лера моргнула.

— Да.

— Он жив?

Она не ответила сразу.

— Был.

Очень осторожное слово. От него запахло чем-то значительно хуже надежды.

— Где он?

— Не знаю.

Он смотрел на нее несколько секунд.

Она не врала. Или врала уже в какой-то другой системе координат, где ложь и правда больше не делились по привычным признакам.

— Ты можешь рассказать, как ушла?

— Сама.

— Почему?

— Потому что оно сначала просит.

— Как просит?

— По-разному.

— Тебя как?

На этом вопросе она впервые улыбнулась. Очень слабо. И от этой улыбки у него внутри все неприятно подобралось.

— Через лицо, - сказала она.

В дежурке стало так тихо, будто все присутствующие договорились не дышать одновременно.

— Чье лицо? - спросил он.

— Мое. Только не снаружи.

Старостин уже не скрывал, что ему хочется закончить этот разговор любым способом, хоть пожарной тревогой.

— Ей врача надо, - сказал он.

— Ей нужен допрос, - ответил детектив.

— Ей двенадцать.

— Тем более.

Лера вдруг резко повернула голову к окну. Не к стеклу даже, а вниз, туда, где под ним обычно была полоска подоконника и улица.

— Оно здесь, - сказала она тихо.

Мать закричала первой.

Не от нападения. От самой фразы.

Детектив шагнул к окну и тут же остановился.

Смотреть вниз сейчас было бы не просто глупо. Это было бы слишком послушно. Настолько, что даже тело это поняло раньше головы.

— Не подходите, - сказала Лера уже громче. - Оно радуется, когда вы делаете быстро.

Вот это было сказано слишком внятно, слишком по-взрослому и слишком не по ее возрасту.

Он медленно отошел от окна.

— Что оно хочет сейчас?

— Посмотреть, помню ли я его правильно.

— А ты помнишь?

Она закрыла глаза.

— Слишком много.

Он сел обратно напротив.

— Хорошо. Тогда не все сразу. Расскажи мне про птиц.

Лера долго молчала. Потом сказала:

— Сначала оно брало их, потому что они легкие. И потому что их никто не ищет как надо. Потом ему стало мало. Оно все время пыталось сделать из них что-то длиннее, чем они могут быть. Но птицы все портятся слишком быстро.

У Софьи на лице было то выражение, когда человек уже не может решить, слушать ли дальше или выйти, пока слова не успели вьестись.

— Что значит "сделать длиннее"? - спросил он.

Лера шевельнула плечом.

— Как будто если что-то много раз соединять, оно однажды пойдет само.

Он почувствовал, как внутри очень холодно и очень спокойно встает на место очередной кусок картины.

Птицы. Первая проба.

— А потом? - спросил он.

— Потом дети.

Мать издала странный звук, больше похожий на всхлип, который захлебнулся на полпути.

— Почему дети?

Лера открыла глаза.

— Потому что у детей больше вариантов.

Вот это уже было настолько отвратительно, что даже Старостин перестал изображать административную невовлеченность.

— Все, хватит, - сказал он резко. - Больше ни слова без врача.

Но Лера как будто не услышала его. Она смотрела только на детектива.

— Оно вас тоже уже пробовало, - сказала она.

— Как?

— Через стекло. Через воду. Через сон. Оно пока еще не понимает, что у вас уже есть внутри место, которое нельзя пугать по-детски.

Это ударило слишком точно. И все это слышали.

Старостин отвел взгляд.

Софья побледнела.

А он просто сидел и думал о том, что двенадцатилетняя девочка сейчас описала его внутреннюю полость лучше, чем целая клиника.

— Уведите мать, - сказал он, не сводя глаз с Леры.

Старостин сразу возразил:

— Нет.

— Да. И пусть кто-нибудь вызовет врача. Но сначала уведите мать.

К его удивлению, вмешалась сама Лера.

— Она пусть уйдет, - сказала она тихо. - Она все равно будет только плакать и мешать.

Это было жестоко, но честно. И мать, похоже, тоже это поняла. Ее вывели почти силой, потому что ноги у нее стали ватными. В дежурке остались они трое: он, Софья и Лера.

— Даня жив? - спросил он снова.

Теперь, без матери, вопрос звучал иначе.

Лера опустила голову.

— Не весь.

Вот здесь Софья встала и отвернулась к стене, прижав ладонь ко рту.

Он помолчал, давая словам осесть и не позволяя себе торопиться за их смыслом. Это могла быть метафора. Бред. Искривленная детская логика. Но могла быть и не она.

— Что это значит? - спросил он ровно.

— Оно не понимает, когда уже нельзя продолжать, - сказала Лера. - Оно думает, если что-то сложилось неправильно, можно просто взять другое и добавить.

Ни истерики. Ни слез. Ни желания, чтобы ей верили. Только усталый отчет человека, который слишком долго смотрел на то, что не должен был видеть вообще.

— Где ты его видела в последний раз?

— Там, где мокро и стены как зубы.

— Это где?

— Не знаю. Там внизу все не так.

Он подался вперед.

— Ты сможешь показать дорогу, если мы поедем?

— Не сегодня.

— Почему?

— Потому что оно еще голодное.

Она сказала это почти буднично.

И вот именно такая интонация была хуже всего.

Потому что истерик можно лечить. Панике можно не верить. А спокойные констатации обычно вырастают из опыта, который уже успел все сжечь и потому не нуждается в украшениях.

Врач приехал через сорок минут. Молодой, лысеющий, раздраженный своим участием в происходящем еще до входа в дежурку. Осмотрел Леру, задавал банальные вопросы, получал на них такие ответы, после которых даже его скепсис стал менее самодовольным. Девочку увезли в районную больницу на наблюдение. Мать поехала с ней.

Когда машина ушла, в отделе стало пусто и мерзко. Как после плохой сцены в театре, где никто не хотел быть зрителем, но все равно досмотрел.

Старостин закрыл дверь своего кабинета так, будто хотел отрезать ее звук от всего остального города.

Софья сидела в архивной и смотрела на стол.

Он вошел, поставил перед ней стакан воды.

— Пей.

Она послушалась, хотя по лицу было видно: не от жажды.

— "Не весь", - сказала она наконец. - Это же может быть бред. Да?

— Может.

— А если нет?

— Тогда у нас время стало гораздо дороже.
Она кивнула, стиснув стакан так, что побелели пальцы.

— Я не хочу в шахты.

— И правильно.

— Но мы же все равно пойдем.

— Да.

Некоторое время они молчали.

Потом он разложил на столе карту.

Южный сектор.

Школа.

Техникум.

Мойка.

Котельная.

Линия старых домов с подполами.

Законсервированные выработки.

И еще. Он взял красный карандаш и поставил кружки там, где по старым бумагам после аварии жили дети с "истериками" и страхом зеркал. Почти совпадение. Не идеальное, но слишком плотное, чтобы быть случайностью.

— Повтор, - сказал он вслух.

Софья подняла глаза.

— Что?

— Это не просто цепочка событий. Это повтор уже бывшего рисунка. Шахты. Птицы. Дети. Отражения. Взрослые, которые все списывают на чушь. И каждый раз сначала южный сектор.

— Вы думаете, тогда это тоже было?

— Я думаю, тогда это уже пыталось. Но либо не дошло до нужной стадии, либо его заткнули раньше. А теперь что-то разбудили снова.

Она смотрела на карту.

— И что изменилось?

Он вспомнил священника. Его спокойствие. Его первый спуск. Его ложь, слишком чисто сказанная. И еще странную убежденность, с которой тот говорил не о принципах вообще, а о конкретном процессе.

— Может быть, кто-то полез туда не вовремя, - сказал он. - А может, наоборот, слишком вовремя.

Телефон завибрировал.

На этот раз номер он узнал сразу.

Отец Михаил.

Он ответил после первой же секунды.

— Да.

Голос священника был ровным, как всегда. И именно поэтому от первых слов по спине пошел неприятный холод.

— Вам нужно приехать к церкви.

— Зачем?

— Потому что птицы начали падать на двор.

Он не задавал лишних вопросов. Уже по пути видел первое тело на дороге. Серый голубь у бордюра, мокрый, искривленный, с вывернутой шеей. Через квартал второй. У булочной воробей. На повороте к площади черная ворона прямо посреди лужи, как брошенная кем-то перчатка.

Софья сидела рядом молча.

Когда они подъехали к церкви, двор уже был полон людьми. Немного, но достаточно. Три старухи, мужик с велосипедом, пара подростков, женщина с ребенком на руках. И на мокрой плитке, между клумбами, под фонарем и у ступеней лежали птицы.

Много.

С десятков, не меньше.

Некоторые еще дергались. Большинство уже нет.

Священник стоял у ограды, не двигаясь. На этот раз его неподвижность выглядела не театральной, а сосредоточенной. Он слушал. Или ждал.

Детектив вышел из машины и сразу увидел главное.

Птицы лежали не хаотично.

Они образовывали дугу.

Не идеальную. Не геометрически выверенную. Но все же дугу, развернутую к входу в церковь.

— Вы их трогали? - спросил он.

— Нет, - ответил священник.

— Никто не подходит, - бросил детектив толпе.

Люди и так не подходили. Боялись не полиции. Боялись формы этого зрелища, которую еще не успели осознать, но уже успели почувствовать.

Он медленно пошел вдоль дуги.

Голуби, две вороны, мелкие городские птицы, которых никто обычно не называет по видам. Почти у всех одна и та же история: шея, грудная клетка, лапы. Не разорваны. Передвинуты. Подготовлены.

У самых ступеней лежала белая птица, домашняя, почти наверняка чья-то. И у нее между перьями торчала узкая синяя ленточка. Такая же, как обрывок у техникума.

Софья увидела это тоже.

— Это не случайный сброс, - тихо сказала она.

— Нет.

Он выпрямился и посмотрел на вход в церковь.

— Оно сюда пришло? - спросил он у священника.

— Нет. Оно проверяет границы.

— Какие именно?

— Те, через которые пока не может пройти так, как хочет.

— И вы, конечно, это знали.

Священник перевел взгляд с птиц на него.

— Я знал, что станет больше.

— После чего?

Короткая пауза.

— После того как девочка вернулась.

Вот тут он очень медленно повернул голову.

— Объясните.

— Оно ее потеряло. А потеря в таких случаях ускоряет рост.

— Вы сейчас импровизируете или действительно понимаете, что несете?

— Я понимаю достаточно.

— Тогда говорите нормально.

Священник выдержал его взгляд.

— Пока оно собирает себя неудачно, ему нужно много материала. Птицы были дешевой формой. Дети лучше. Но если добыча уходит, оно начинает нервничать. И повторяет попытки чаще.

Софья стояла чуть позади, бледная и молчаливая.

— Почему церковь? - спросила она.

— Потому что здесь много отражающих поверхностей, - ответил священник. - Витражи, лампы, стекло. И потому что раньше здесь уже пытались от него закрываться.

— Кто пытался?

— Те, кто помнил прошлый раз.

В толпе кто-то крестился. Кто-то быстро увел ребенка. Старухи шептались, явно уже сплетая происходящее с полузабытой аварией и всем тем, что город десятилетиями держал под языком как незаживающую язву.

Детектив наклонился к одной из птиц еще раз.

Дуга.

Не просто дуга. Если достроить мысленно, получится не круг и не полумесяц. Что-то вытянутое. Сегментированное. Как пробный набросок очень длинного тела.

Ему стало физически холодно.

Не от страха. От внезапной четкости.

Птицы не просто умирали.

Их каждый раз располагали в сторону формы, которую оно пыталось понять.

Он выпрямился.

— Всем разойтись, - сказал он громче. - Быстро.

Толпа не сразу, но подчинилась. Город вообще хорошо умел пятиться, если с ним говорили достаточно уверенно.

Они остались втроем во дворе: он, Софья и священник.

— Вы спускались в шахты за чем-то конкретным? - спросил детектив.

На этот раз вопрос был уже не из раздражения. Из почти усталой уверенности, что еще одна ложь просто сдвинет время в нужную тварям сторону.

Священник долго молчал.

Слишком долго.

Потом сказал:

— Да.

— За чем?

— Не важно.

— Врете.

— Нет. Не важно именно сейчас.

— Для меня важно все, что заставляет вас полезть первым туда, где потом начинают исчезать дети.

Софья резко перевела взгляд с одного на другого. Вот теперь разговор выходил из привычной дурной мистики в нормальную, человеческую область подозрения.

— Я был там до детей, - сказал священник.

— Тем хуже для вас.

— И тем лучше для вас, потому что я хотя бы знаю, куда не нужно идти вслепую.

Детектив подошел ближе.

— Тогда ведите.

Это слово изменило выражение лица священника впервые за все время. Не сильно. Но достаточно. В нем мелькнуло что-то похожее не на страх даже, а на расчет, которому пришлось пересобраться на ходу.

— Не сегодня, - сказал он.

— Сегодня.

— Нет.

— Я не спрашивал.

— А я не подчиняюсь вам.

— Тогда подчинитесь количеству трупов, - сказал детектив тихо и показал на дугу из птиц. - Потому что если Лера сказала правду хотя бы наполовину, следующей попытке уже не хватит воробьев.

Священник посмотрел на птиц. Потом на него. Потом, очень коротко, куда-то вниз, в мокрую плитку между ними.

И этого было достаточно, чтобы понять: да, он уже видел внизу что-то такое, после чего нормальные люди не выбирают тон и формулировки. Они просто уходят. А этот не ушел. Этот вернулся. И именно поэтому он был опаснее любой провинциальной экзотики в рясе.

— После заката нельзя, - сказал священник.

— Почему?

— Потому что в темноте оно уже не путает отражение и проход.

Вот теперь даже Софья ничего не сказала. Потому что некоторые фразы слишком отвратительны своей логикой, чтобы спорить с ними сразу.

Он посмотрел на часы. День клонился к вечеру.

— Хорошо, - сказал он. - Тогда завтра на рассвете.

Священник кивнул.

Слишком быстро.

И это тоже было плохим знаком.

Когда они уезжали, по крыше церкви что-то тихо скатилось и ударилось о водосток. Они одновременно подняли головы.

Еще одна птица.

Она лежала на краю, слабо дергая крылом, будто не понимала, что уже опоздала к собственной смерти.

Софья отвернулась первой.

А он смотрел, пока птица не перестала двигаться.

Не потому что хотел.

Потому что начинал понимать, как работает этот город.

Здесь все повторялось до тех пор, пока ты либо не замечал рисунок, либо не становился его частью.

Глава 5. Свидетель

К ночи город стал тише не потому, что успокоился, а потому, что начал прислушиваться.

Это было почти физическое ощущение. Как если бы улицы, дворы, крыши, все эти облезлые фасады и мокрые провода внезапно собрались вокруг одной мысли и теперь ждали, кто сорвется первым. После церкви, после дуги из мертвых птиц, после Леры с ее тихим, не по возрасту уставшим голосом даже обычные фонари казались включенными не для людей, а для чего-то другого. Для того, что уже давно училось различать свет не как помеху, а как способ точнее видеть добычу.

В отдел они вернулись, когда во дворе уже горела желтая лампа над входом и на мокром бетоне дрожала ломаная тень флажштока. Старостин стоял под козырьком и курил с той сосредоточенной ненавистью, с какой курят люди, которым сигарета давно не нравится, но еще помогает не бить кулаком стены.

Увидев их, он бросил окурок в лужу.

— Ну?

— Птицы не случайность, - сказал детектив.

— Это я уже понял по вашим лицам. Еще что?

— Завтра на рассвете идем в шахты.

Старостин молчал несколько секунд. Достаточно долго, чтобы стало ясно: сейчас будет либо крик, либо честность. Крик был бы проще. Честность всегда выходила из людей хуже.

— Нет, - сказал он.

— Да.

— Нет.

— У вас маленький словарь.

— У меня нормальный инстинкт самосохранения. В отличие от вас.

Детектив снял пальто, не торопясь, как будто разговор вообще не заслуживал скорости.

— Вы не идете.

— Я не пускаю.

— На каком основании?

— На основании того, что у меня и так дети пропадают, люди в истерике и слухи про чертовщину поползли уже быстрее официальных бумаг. Мне только вашей героической смерти под завалом не хватает.

Софья стояла чуть в стороне и делала вид, что ищет что-то в сумке. На самом деле просто не хотела оказаться между ними в тот момент, когда оба начнут говорить не то, что положено, а то, что уже давно накопилось.

— Вы прекрасно знаете, - сказал детектив, - что мы идем не за героизмом.

— А за чем? За доказательством того, что вам снова повезло угодить в правильный ад?

Это прозвучало злее, чем, возможно, сам Старостин планировал. Но поздно. Фраза уже легла в пространство и стала частью комнаты.

Детектив посмотрел на него почти с интересом.

— Вы меня сейчас оскорбить хотели или понять?

— Я хотел, чтобы вы хоть раз за день остановились.

— Поздно.

— Не поздно. Пока еще нет.

— Для Дани, возможно, уже да.

Старостин отвел взгляд первым. Именно это и выдавало его больше всего. Не злость, не усталость, не привычную административную скользкость. А короткое, почти невидимое

отступление глаз. Как у человека, который и сам слишком часто думал о том же самом и уже заранее ненавидел любого, кто скажет это вслух.

— Завтра, - повторил детектив. - На рассвете.

— Я людей не дам.

— И не надо.

— Тогда вы никуда не пойдете.

— Посмотрим.

Он прошел мимо, толкнув плечом дверь в архивную. Софья проскользнула следом и закрыла за собой.

В комнате пахло мокрой бумагой, чернилами и железом от батареи. На столе лежали карты, вырезки, списки адресов, фотографии птиц, школьные журналы, блокнот с его короткими записями. Все это уже перестало быть делом. Начало становится средой.

Софья села напротив, провела ладонями по лицу и сказала:

— Я не уверена, что хочу это говорить.

— Тогда не говорите.

— Но если не скажу сейчас, потом будет глупо.

Он поднял голову.

— Говорите.

Она помолчала, как будто подбирая не слова, а безопасную степень точности.

— Мне кажется, у нас есть еще кто-то. Не тот, кто пишет сообщения. Другой.

— Почему?

— Потому что Леру кто-то все-таки увидел бы, если бы она просто вышла сама и ушла. Даню кто-то точно увидел бы, если бы его тащили. Артем вернулся с промзоны, но его никто не встретил по дороге. И еще. Все это время слишком много людей говорят "я почти видел", "мне показалось", "был какой-то длинный", "кто-то стоял". Как будто кто-то постоянно оказывается рядом до того, как случится главное, и все равно остается вне фокуса.

Он слушал и не перебивал.

Софья это заметила и продолжила увереннее:

— Если монстр, или кто оно там, пока не может нормально далеко выходить, значит, кто-то должен быть ближе. Кто-то человеческий. Или выглядящий достаточно человеческим. Кто-то, кто знает места, видит детей, может вести их не силой, а словами.

— Посредник.

— Да. Или свидетель, который все время оказывается рядом слишком вовремя.

Он постучал ручкой по столу.

Это была не новая мысль. Просто до сих пор она у него крутилась боком, как что-то не очень приятное, но пока не собранное в форму. А теперь форма появилась.

— Кого вы имеете в виду? - спросил он.

Софья посмотрела на него с выражением, в котором раздражение и неловкость сошлись почти идеально.

— Вы и сами знаете.

— Священник?

— Он слишком очевиден, - ответила она. - И это меня бесит. Потому что я почти хочу, чтобы дело было в нем. Было бы красиво, просто и отвратительно по канону. Но он либо действительно знает что-то раньше нас, либо очень талантливо делает вид. И еще... - она замялась. - У него нет этого ощущения.

— Какого?

— Бытовой липкости. Понимаете?

Он усмехнулся.

— Почти.

— У нас в городе есть люди, которые могут сделать гадость, а потом идти за хлебом. Есть те, кто сплетничает у калитки, пока у соседей горе. Есть те, кто засыпает яму и молчит. У священника другое. Он неприятный, да. Но не мелкий. А мне кажется, здесь есть кто-то мелкий. Кто-то, кто носит это рядом с собой, не понимая масштаба. Или понимая слишком по-человечески.

Это было сказано хорошо. Не красиво, а именно хорошо. Потому что он сам думал примерно о том же, только грубее.

— Кто? - спросил он.

— Пока не знаю.

— Тогда будем искать тех, кто слишком близко стоял к детям до исчезновений. Учителя, подростки, соседи, родственники, продавцы, кто угодно.

— И тех, кто первым говорил про лужи, подвалы, стекла, - добавила Софья. - Не как слух. А как будто уже видел.

Он кивнул.

— Завтра с утра шахты. Потом возвращаемся и поднимаем весь круг вокруг Леры и Дани. Отдельно тех, кто видел Леру у школы, у техникума и возле ливневки. И еще мне нужен Леха. Нормально, без матери над душой.

— Хорошо.

Она уже встала, когда он вдруг спросил:

— Вы боитесь?

Софья остановилась у двери, не оборачиваясь.

— Очень.

— Тогда почему остаетесь?

Теперь она все-таки повернула голову.

— Потому что, если сейчас отойти, потом всю жизнь придется делать вид, что я просто из тех, кто ничего не заметил. А я уже заметила.

После ее ухода он еще минут десять сидел один и смотрел в карту.

Южный сектор лежал под лампой, как вскрытая кожа. Все линии, отметки, провалы, старая промзона, школа, техникум, мойка, котельная, ливневки, старые дома, церковь, линия бывших выработок. Слишком много связей для случайности, слишком мало ясности для уверенности. Его больше всего раздражало, что рисунок уже почти собрался, но продолжал ускользать на последнем шаге, как бывает с лицом во сне. Ты знаешь, что видишь его. Но стоит захотеть рассмотреть, и черты расползаются.

Телефон лежал рядом.

Молчал.

И это было хуже новых сообщений.

Около девяти он поехал к дому, где жила Лера. Не потому что ожидал застать ее там, понятно. Девочку увезли в районную больницу. Но место, где ребенок жил до исчезновения, часто говорило больше родителей. Тем более таких родителей, у которых в показаниях все рассыпается уже к третьему вопросу.

Дом стоял на тихой улице, где грязь на дороге успела стать постоянной географией. Три окна, узкий двор, коричневый забор, скамейка у калитки. Свет горел только в кухне. Остальные комнаты тонули в темноте.

Ему открыла тетка Леры, как она сама представилась. Не мать. Крупная, с сухими руками и лицом, которое привыкло быть практичным. Именно такие женщины потом держат дома на себе и не позволяют никому называть это подвигом.

— Она в больнице, - сказала тетка сразу.

— Я знаю.

— Тогда что вам нужно?

— Комната Леры.

Она не удивилась. Только посмотрела на него слишком долго, потом отступила.

— Пять минут.

В доме пахло стиральным порошком, кошачьим кормом и чем-то сладким, оставшимся от дешевого шампуня. Девичья комната оказалась маленькой, угловой. Кровать у стены, стол, зеркало на шкафу, полка с книгами, тетради, дешевые браслеты, наушники, два плаката и странная, почти взрослая нелюбовь к лишним вещам. Здесь не было хаоса, но и аккуратностью это не выглядело. Скорее как будто девочка давно жила в режиме внутреннего отъезда.

Он вошел, не касаясь ничего сразу.

— Она в последнее время странная была, - сказала тетка у него за спиной. - Не как в фильмах, если вы про это. Без истерик. Наоборот. Слишком тихая. Смотрела иногда в одну точку и как будто кого-то слушала.

— С кем дружила?

— Со всеми понемногу и ни с кем нормально. Такая уж. Характер был мерзкий, если честно.

— Мерзкий как?

— Умная слишком. Не по-детски. Все видела, всех насквозь. Таких или любят, или ненавидят. А обычно и то, и другое.

Он открыл тетрадь на столе.

На полях рисунки. Не цветочки, не сердечки, не банальная дребедень. Схемы. Линии. Кружки. Длинные сегменты, соединенные между собой. Некоторые были похожи на карту метро, если бы человек рисовал ее в лихорадке. Некоторые на позвоночник, который кто-то пытался вспомнить по памяти, не имея перед глазами тела.

— Она это рисовала давно?

Тетка подошла ближе, глянула.

— Да черт ее знает. Видела иногда. Думала, ерунда подростковая.

Он перелистнул дальше.

На одной странице мелко, почти в столбик, было написано одно и то же слово.

смотри

смотри

смотри

смотри

Потом почерк сбивался, буквы вытягивались, будто рука устала или стала не до конца своей.

Ниже карандашом:

если долго не смотреть, оно злится

если долго смотреть, оно думает, что ты согласен

Он почувствовал, как внутри что-то холодно встает на место.

— Вы это читали?

— Нет, - сказала тетка. - Я в ее тетради не лезу. Не лезла.

— Зря.

Он подошел к зеркалу на шкафу.

Обычное дешевое зеркало. По краю наклейки. Стертая от времени царапина в нижнем углу. Вроде бы ничего. Но на раме, с обратной стороны, где не видно с первого взгляда, был

повязан темный шнурок. Не как украшение. Как если бы его завязали специально, чтобы что-то отметить.

Он снял шнурок.

На узле висела маленькая птичья косточка.

Тетка выдохнула у него за спиной так шумно, что это почти прозвучало как плач.

— Это не ее, - сказала она сразу.

— Конечно.

На подоконнике стояла банка с дождевой водой. Грязной, с листьями на дне.

— Зачем это?

— Не знаю, - ответила тетка. - Недавно принесла. Я хотела вылить, она не дала. Сказала, это "не просто вода".

Он уже хотел спросить что-то еще, когда заметил под кроватью коробку. Вытащил.

Внутри лежали всякие подростковые мелочи, но среди них было и другое: мертвое птичье крыло, высохшее до легкости бумаги. Несколько цветных колец. Бусина. Билет на автобус. Обломок зеркала. Фотография. И клочок бумаги с одним адресом.

Старая мойка.

Без номера дома, без пояснений. Просто два слова, написанные быстро и зло.

— Кто-нибудь знал, что она туда ходит?

— Я нет.

Он убрал бумажку в карман, остальные вещи сфотографировал телефоном и снова посмотрел на тетрадь.

— У Леры был кто-то старше? Кто-то, кому она доверяла?

Тетка усмехнулась без радости.

— Она никому не доверяла. Но слушала одного человека.

— Кого?

— Соседа. Пожилой. Через два дома. Он раньше в техникуме сторожем был, потом пил, потом бросил, потом опять начал. С детьми иногда разговаривал, не как извращенец, если вы об этом, а как сумасшедший, который считает себя умнее города. Она к нему заходила иногда.

— Имя?

— Кузьмич. Все его так зовут.

Это уже было что-то.

Он вышел из дома в начале десятого. Дождь почти прекратился, но воздух стал еще сытее влагой. Лужи под фонарями блестели, как глазные яблоки, и он снова поймал себя на том, что не хочет смотреть в них слишком долго.

Кузьмич жил действительно через два дома. Калитка была открыта. Во дворе росла дикая сирень, давно потерявшая всякий вид, у сарая стоял велосипед без переднего колеса, а под навесом горел тусклый свет.

Детектив постучал в дверь.

Открыл ему старик, высокий, сутулый, с лицом, которое алкоголь не успел испортить до конца именно потому, что там и без него было чем заняться: резкие кости, тяжелые веки, впалые щеки. Глаза, впрочем, были трезвыми. И очень внимательными.

— Вы Кузьмич?

— Для чужих да.

— Полиция.

— Вижу. Заходите.

Внутри пахло табаком, металлом и чем-то горячим, не супом даже, а просто едой, которую готовят для того, чтобы не умереть, а не для удовольствия. На столе лежала раскрытая книга по горному делу, рядом стакан и нож.

— Лера к вам ходила, - сказал детектив без вступления.

Старик не стал делать вид, что удивлен.

— Ходила.

— Зачем?

— Слушать.

— Что именно?

Кузьмич сел, не приглашая его. И это почему-то выглядело не хамством, а равенством.

— Истории. Про шахты. Про город. Про то, что здесь раньше было.

— И что же здесь было?

— Все то же самое, только люди моложе и глупее.

— Конкретнее.

Старик долго смотрел на него.

— Вы ведь не местный. Это видно.

— Уже слышал.

— Тогда поймете не сразу. Здесь под землей всегда было что-то не так. Не потому что черти, проклятия или мертвецы. Это для пьяных. Нет. Просто есть места, которые долго лежат под человеком и запоминают слишком многое. А потом начинают обратно.

— Обратно что?

— Отвечать.

Он говорил не как сумасшедший и не как мистик. Хуже. Как человек, который давным-давно выбрал для своих выводов точную, спокойную интонацию, чтобы иметь шанс не выглядеть окончательным идиотом.

— Лера что-то видела? - спросил детектив.

Кузьмич кивнул.

— Да.

— Что?

— Сначала лужу. Потом стекло в старом классе техникума. Потом, кажется, уже живое.

— "Живое" это очень удобное слово.

— А у вас есть точнее?

— Нет. Пока нет.

Старик налил себе воды, не спрашивая его.

— Она пришла ко мне недели за две до исчезновения. Спросила, правда ли, что под техникумом есть старый ход к выработкам. Я сказал, правда. Тогда она спросила, может ли что-то сначала показаться в воде, а потом уже выйти в стену. Я сказал, может что угодно, если долго на это смотреть. На следующий день она принесла мертвую птицу.

— Зачем?

— Хотела, чтобы я объяснил, почему крыло вывернуто как у человека локоть.

Он почувствовал, как зубы сами собой сжались.

— И что вы сделали?

— Сжег птицу.

— А ей что сказали?

— Сказал, чтобы не ходила одна.

— Послушала?

— Нет.

Старик посмотрел на него очень сухо и очень трезво.

— Такие дети редко слушают вовремя. Они думают, что взрослые просто опоздали в понимании.

— И были правы?

Кузьмич чуть пожал плечом.

— Часто.

— Почему вы не пришли в полицию раньше?

На этот вопрос старик усмехнулся уже почти беззлобно.

— Потому что я здесь родился. И знаю, что полиция у нас приходит либо слишком рано и мешает, либо слишком поздно и оформляет. А в промежутке ей обычно не до того.

Это было сказано настолько спокойно, что спорить стало бы мелко.

— Что еще Лера вам говорила?

— Что оно пытается стать длиннее, чем уже получилось. Что птицы были плохой памятью для формы. Что дети лучше, потому что у них больше "мягких мест". Это ее слова, не мои.

В комнате стало тесно.

— Она говорила, куда собиралась идти в тот день?

— К мойке. Сказала, там "слышнее". Я спросил, кого именно. Она ответила: "того, кто еще не умеет, но очень старается".

Вот теперь картина окончательно начала сворачиваться в мерзкую, но узнаваемую спираль.

— Вы сами спускались в шахты в молодости? - спросил он.

— Конечно.

— И что видели?

Кузьмич помолчал.

— Всякое. Но один раз, после аварии, я видел в боковом ходе многодохлых птиц. Они лежали не кучей. Будто кто-то пытался из них сделать одну длинную штуку. Тогда я думал, шахтеры спятили от газа и развлекаются. Потом понял, что никто из шахтеров к тому ходу и близко не подходил.

— Почему не рассказали это раньше?

— Кому? Газете? Участковому? Вашему Старостину, когда он еще бегал в коротких штанах? - старик криво усмехнулся. - Города вроде нашего живут так долго только потому, что умеют договариваться о забвении. Иначе бы каждый второй здесь пил без остановки, а каждый первый уже бы повесился от общего знания.

Это было, к сожалению, умно.

— Последнее, - сказал детектив. - Лера кому-то еще доверяла?

— Доверяла? Нет. Но за ней кто-то ходил.

— Кто?

— Мужик.

— Какой мужик?

— Не знаю. Не местный. Или просто один из тех, кто умеет не запоминаться. Я видел его дважды. Один раз у техникума. Один раз у школы. Стоит и как будто вообще не про девочку. Но все время в нужной близости.

— Почему не сказали об этом сразу?

— Потому что вы сначала должны были спросить правильно.

Убить его сейчас было бы непродуктивно, хоть и почти приятно.

— Опишите.

Старик закрыл глаза на секунду, будто собирая лицо из обрывков.

— Средний рост. Куртка темная. Шапка серая. Обычный. Слишком обычный. И походка... не знаю. Не местная.

— Это как?

— Как будто не боится грязи здесь. Наши идут по этой улице и заранее знают, куда нога провалится. А этот шел слишком ровно.

Вот это было уже полезно.

Когда он вышел от Кузьмича, часы показывали почти одиннадцать. Город к этому времени не уснул, а просто погрузился глубже в собственную настороженность. На одной улице

лаяла собака, но коротко, неуверенно. На другой подростки курили у забора и говорили шепотом, как будто громкий голос уже мог кого-то заинтересовать.

Он не пошел сразу в комнату. Вернулся в отдел. Там горел свет только в дежурке и у Старостина.

Софья, к его удивлению, тоже была там. Сидела в архивной, поджав под себя одну ногу, и листала школьные фотографии старых выпусков.

— Вы еще здесь?

Она подняла голову.

— А вы?

— Справедливый вопрос.

Он рассказал ей про Лерину комнату, тетрадь, птичью косточку, адрес мойки и Кузьмича. Про мужика, который дважды мелькал рядом с девочкой, но не запомнился.

Софья слушала, не перебивая, только один раз поднесла руку ко рту, когда он упомянул фразу про "мягкие места".

— Значит, я была права, - сказала она тихо. - Есть кто-то еще.

— Похоже.

— И он обычный.

— Настолько, что это почти выглядит как навик.

Она подвинула к нему старую школьную фотографию класса. Черно-белую, с датой внизу.

— Смотрите.

Он посмотрел.

Дети, учительница, задний ряд мальчишек, типичный школьный мертвый парад. Сначала ничего. Потом глаз зацепился.

В углу кадра, чуть в стороне, за стеклом двери, стоял человек.

Не учитель. Не ученик. Взрослый. Лицо расплыто, будто движение, но поза очень спокойная.

— Это кто?

— Никто не подписан, - сказала Софья. - Я нашла еще три снимка того периода. И он там тоже есть. Всегда с краю, всегда будто случайно.

Он медленно выдохнул.

Повтор.

Не только по шахтам, птицам и детям. По свидетелю тоже.

— Завтра после шахт, - сказал он, - мы будем искать не только Даню. Мы будем искать того, кто всегда оказывается рядом, пока никто еще не понял, что главное уже началось.

— А если он все еще здесь?

— Тогда, - сказал он, глядя на размытое лицо на старой фотографии, - ему уже очень скоро станет тесно в собственной обычности.

Около полуночи он вернулся в комнату.

Полотенца на зеркале висели ровно. Телефон молчал. За стеной никто не кашлял, в коридоре не шагали, под окном не звучали детские голоса. И именно поэтому напряжение не спадало. Оно теперь жило не в отдельных эпизодах, а в общей структуре.

Он снял ботинки, сел на кровать и открыл блокнот.

Кузьмич.

Лера знала про мойку заранее.

Птица с вывернутым крылом.

"Мягкие места".

Обычный мужчина рядом.

Свидетель повторяется тоже.

Потом ниже:
сначала птицы

потом дети

потом что?

Он долго смотрел на эту строку.

Потом дописал:

когда станет "полным", выйдет само

Этого он у Леры не слышал сегодня. Это было собрано из ее слов интонаций, из Лехи, из девочки в школе, из собственных догадок. Но теперь фраза выглядела уже не теорией, а приближающейся стадией.

Он лёг, не раздеваясь полностью. Пистолет положил рядом, как уже входило в привычку. Сон пришел быстро, без перехода, будто кто-то просто выключил один коридор сознания и включил другой.

Во сне он снова был внизу.

Но на этот раз без тоннеля.

Сначала просто сырой камень под ногами и темнота впереди. Потом слабый, неестественный свет, как будто где-то далеко лежала вода и отражала не небо, а что-то еще. Он шел на этот свет, пока стены не стали ближе, а воздух не гуще. И тогда увидел.

На полу перед ним было выложено длинное, многосегментное тело.

Не живое еще. Не до конца. Птицы в начале. Потом детские руки. Потом ноги. Потом плечи, вставленные не туда. Потом лица, несколько, слишком спокойные, с закрытыми глазами. Все это было соединено не мясом, не швами, а одной упрямой, склизкой логикой. Как если бы существо, никогда не бывшее телом, теперь собирало себя по чужим обрывкам и каждый раз почти угадывало.

Оно еще не двигалось.

Но рядом кто-то стоял.

Обычный мужчина в темной куртке и серой шапке. Лицо не запоминалось. Во сне даже это сохранялось как оскорбление. Мужчина наклонился к собранному телу и очень осторожно, почти ласково, поправил одно из детских плеч, как если бы помогал костюму сесть по фигуре.

Тогда существо дрогнуло.

Сначала один сегмент.

Потом другой.

Потом несколько лиц открыли глаза одновременно.

Он проснулся так резко, что чуть не схватился за пистолет.

Комната была темной, лампа не горела. За окном что-то мерно стучало. Не дождь. Тоньше. Чаше. Как будто множество мелких пальцев быстро перебирали по деревянной раме.

Он сел на кровати.

Стук продолжался.

Не громко. Почти вежливо.

Стук-стук-стук-стук.

И потом очень тихо, почти у самой стены снаружи, кто-то сказал детским голосом:

— Он уже ближе, чем вчера.

Глава 6. Подвал

Он не подошел к окну.

Сел на кровати, не двигаясь, и слушал, как за стеной дома продолжается этот мелкий, частый перестук, словно кто-то перебирал по сырому дереву слишком большим количеством тонких конечностей и все еще не решил, стоит ли входить. Голос больше не повторялся. Именно это делало происходящее хуже. Если бы оно продолжало звать, это было бы уже событие. А так оставалось ощущение, что с ним просто обозначили дистанцию.

Он медленно потянулся к телефону. Час ночи с чем-то. В комнате было так темно, что экран на секунду ослепил. Никаких новых сообщений. Ни пропущенных, ни неизвестных номеров. Мир снова делал вид, что держится на электричестве, стенах и расписании суток, а не на чужой настойчивости, ползущей под полом.

Стук прекратился.

Он подождал еще минуту. Потом встал, надел ботинки, не включая свет, подошел к двери и прислушался. Коридор был пуст. За общей кухней кто-то храпел. Внизу щелкнул выключатель или старая проводка, не разберешь. Дом продолжал жить своей грязной, сонной жизнью. Значит, звук был снаружи. Или хотел, чтобы он так думал.

Он вышел на лестницу, спустился на первый этаж и только там поймал себя на том, что делает именно то, чего от него, возможно, ждали. Идти проверять. Сходить туда, откуда пришел голос. Вовремя заметил, но не остановился. Иногда уступка не равна подчинению. Иногда человеку просто нужно самому посмотреть на границу, за которую он не пойдет.

Дверь во двор открылась тяжело. Ночной воздух ударил в лицо сыростью и холодом. Дождь уже прошел, оставив после себя тонкий блеск на ступенях, слипшуюся траву, лужи с темной неподвижной поверхностью. Фонарь над сараем горел вполсилы, как будто тоже устал от происходящего.

Под его окном никого не было.

Ни ребенка. Ни следов маленьких ботинок. Ни сигаретного окурка, ни отблеска чужого телефона, ни идиотского доказательства, которое можно было бы унести в карман и показывать потом самому себе как индульгенцию от сомнений.

Только земля. Мокрая, смятая недавними следами. И по стене, прямо под его окном, тянулись узкие темные полосы. Сначала он подумал, что это просто потеки воды после дождя. Потом присел и посветил фонариком с телефона ближе.

Птичий помет.

Свежий.

Много.

Он поднял голову.

На карнизе второго этажа, прямо над его окном, сидели три птицы. Не двигались. Даже головы не повернули на свет. Черные силуэты, налипшие на край крыши, как куски смятой ткани. Он посветил выше. Ни одна не улетела. Только одна чуть приоткрыла клюв.

Секунда. Две.

И все три одновременно сорвались вниз.

Не как живые птицы, встревоженные светом. Не рывком крыльев. Они просто упали. Прямо на мокрую землю у стены. Тяжело, слепо, как если бы кто-то перерезал их связь с движением еще до удара.

Он отступил сразу.

Одна ворона еще дергалась. Лапы судорожно царапали грязь, крыло пару раз ударило по земле и затихло. Две другие лежали уже спокойно. У ближайшей шея была вывернута в сторону. И опять почти без крови.

Он не стал брать птиц руками ночью, во дворе, под собственным окном. Просто сделал несколько снимков, обошел место по кругу и только тогда заметил в лужице у фундамента тонкую светлую полоску. Не отражение. Перо. Маленькое, белое, будто от домашней птицы. Он поднял его через салфетку и сунул в карман.

Подниматься обратно было неприятнее, чем выходить вниз.

Потому что вниз человек идет навстречу неизвестному. А обратно уже несет его с собой.

В комнате он свет все же включил. Проверил полотенца на зеркале. Они висели ровно. Подошел ближе, машинально, скорее от злости, чем из любопытства, и только тогда увидел на нижнем крае ткани маленькое мокрое пятно. Будто кто-то касался полотенца снаружи мокрым кончиком пальца или клюва.

Он снял верхнее полотенце резко, почти с наслаждением от грубого движения.

Зеркало отразило комнату как ни в чем не бывало. Кровать, стол, стул, его самого с бледным лицом и тяжелыми глазами. И ничего лишнего.

Он стоял перед стеклом, глядя на свое отражение, и чувствовал, как внутри поднимается очень старая, почти забытая ярость. Не страх. Ярость человека, которому снова пытаются диктовать ритуалы. Завесь. Не смотри. Не стой. Не ходи. Не слушай. Он уже проходил через мир, где зло начиналось с правильной позы и правильного подчинения малым требованиям. Ему не нравилось, как быстро этот город пытался встроить его в ту же механику, только под другим углом.

Он держал взгляд на зеркале чуть дольше, чем следовало.

Сначала ничего.

Потом ему показалось, что за его правым плечом темнота у шкафа глубже, чем должна быть. Не фигура. Не движение. Просто ошибка насыщенности, как если бы участок комнаты внезапно провалился чуть дальше обычного.

Он моргнул.

Ошибка осталась.

Еще секунду он продолжал смотреть. И как только начал понимать, что сейчас сделает либо шаг назад, либо шаг к шкафу, в коридоре хлопнула дверь и кто-то громко, сердито закашлялся. Мир снова стал обычным. Тень у шкафа распалась на темный угол, куртку и край стула.

Он выдохнул, сам не заметив, что задерживал дыхание.

Полотенце он повесил обратно. Потом второе сверху. Потом, подумав секунду, подтащил стул и поставил так, чтобы тот закрывал угол зеркала вместе с тканью. Бессмысленно, почти комично. Но в такие моменты человеку нужно хоть какое-то ощущение физического вмешательства, иначе мозг начинает верить, что с ним работают только изнутри.

На рассвете он был в отделе раньше всех, кроме дежурного и Софьи.

Она сидела в архивной с кружкой кофе и выглядела так, будто не спала вообще. Под глазами потемнело, волосы она собрала кое-как, а на столе перед ней лежала схема школьного подвала, которую она, видимо, чертила от руки из каких-то старых техпаспортов.

— Вы тоже решили презирать сон? - спросил он.

Софья подняла взгляд и сразу поняла по лицу, что ночь прошла не тихо.

— Что случилось?

Он коротко рассказал. Голос под окном. Перестук по дереву. Птицы на карнизе. Пятно на полотенце. Отражение, которое почти захотелось проверить до конца.

Софья молчала, потом медленно поставила кружку.

— Оно уже реально к вам лезет.

— А вчера, по-вашему, что было? Почтовая рассылка?

— Нет, я серьезно. До этого оно вас как будто шупало. Через других. Через пространство. Через намеки. А теперь уже прямой контакт.

Он не любил словосочетание "прямой контакт". В нем было слишком много признания, которое он пока не хотел себе позволять.

— Какой у нас план? - спросил он.

— Если Старостин все еще сопротивляется, берем только то, что нужно. Фонари, респираторы, веревку, мел, камеры. Идите с отцом Михаилом, раз уж он знает спуск.

— Вы не идете.

Она посмотрела на него с ровным упрямством.

— Иду.

— Нет.

— Я не спрашиваю.

— А я запрещаю.

— На каком основании?

Он почти усмехнулся. Вот теперь разговор стал честным.

— На основании того, что если внизу начнется не протокол, а то, о чем говорит Лера, мне нужен кто-то наверху с картой, связью и головой, не размазанной первым же шоком.

Софья собиралась возразить, но в этот момент в коридоре послышались шаги. Тяжелые, размеренные, без спешки. Священник. Детектив узнал бы его уже по одному темпу, даже если бы не видел лица.

Отец Михаил вошел без стука, как и всегда, и остановился у двери, не садясь.

Сегодня он выглядел хуже. Не усталым. Скорее как человек, который всю ночь не спал не потому, что не мог, а потому, что не имел права. На шее под воротником мелькнула красная полоса, будто ткань натерла кожу или под ней была старая царапина. Глаза, впрочем, оставались слишком спокойными.

— Нужно выдвигаться сейчас, - сказал он вместо приветствия. - Через час будет поздно.

— Поздно для чего? - спросил детектив.

— Для первого прохода.

— Прекрасная формулировка. Как будто вы водите экскурсии по аду.

Священник не отреагировал.

— Если мы пойдем позже, внизу станет больше отражающих вод. После дождя их слишком много. А значит, и путаницы тоже.

— Вы говорите так, будто это уже проверяли десятки раз.

— Нет. Но достаточно.

Софья встала.

— Я тоже иду.

Священник перевел взгляд на нее.

— Нет.

— Вы мне не начальник.

— Это не вопрос власти. Это вопрос количества возможных ошибок.

— А вы, значит, ошибок не делаете?

На секунду в его лице мелькнуло что-то очень короткое, почти болезненное. И тут же исчезло.

— Я делаю их слишком давно. Именно поэтому вам лучше остаться.

Вот это уже прозвучало слишком искренне для красивой манипуляции. И Софья это услышала. Не согласилась, но услышала.

— Вы остаетесь, - сказал детектив. - Поднимаете все, что можно, по старой седьмой выработке. Ищете аварийные схемы, имена погибших, все контакты с южным сектором. И отдельно мне нужен Леха. Если мать не пускает, под любым предлогом выманивайте в отдел. Но без силового цирка.

— А если вы оттуда не вернетесь? - спросила она тихо.

— Тогда хотя бы не все будем идиотами в одном месте.

Это ей не понравилось, но спорить дальше она не стала. Вместо этого только шагнула к столу, взяла красный карандаш и быстро отметила на карте еще одну линию, уходящую от мойки к старому школьному подвалу.

— Если связь пропадет, я все равно знаю, где вас искать, - сказала она.

— Не надо героизма.

— Это не героизм. Это плохая привычка.

Они взяли снаряжение в кладовой под крики Старостина, который сначала пытался запрещать, потом требовал бумаги, потом, поняв, что оба его уже не слышат, перешел на сдержанную административную ненависть.

— Если вас там завалит, - сказал он на выходе, - я в отчетах напишу, что вы оба были клиническими дебилами.

— Это будет первый честный документ в отделе за долгое время, - ответил детектив.

К шахтам ехали в тумане.

Не настоящим, густом и киношном. Просто утренний воздух после дождя так сел над промзоной, что все предметы словно подались назад. Техникум, мойка, ряд гаражей, провалы в земле, косые фонари. Мир будто сам не хотел быть рассмотренным до конца.

Остановились они у той самой воронки на пустыре, где подростки показывали старый вход. Здесь ничего не изменилось с первого осмотра, но после всех новых знаний само место уже ощущалось иначе. Не просто дыра в земле. Скорее горло, через которое что-то слишком долго и терпеливо дышало в город.

Священник молча надел перчатки, проверил фонарь, взял веревку и, прежде чем спуститься первым, сказал:

— Там дальше будет развилка. На левой стене старые номера участков. На правой следы воды. Если увидите стекло, не смотрите в него дольше секунды.

— Идите к черту, - сказал детектив.

— Уже иду.

Он полез следом.

Сначала все было ровно так, как он помнил. Низкий тоннель, мокрые кирпичи, ржавые рельсы, запах железа, сырой земли и сладковатой тухлятины, которую человек не хочет называть правильно. Потом проход расширился. Потолок поднялся. Начались боковые ответвления, забранные решетками, провалы в полу, старые балки, на которых плесень сидела как белая шерсть.

Но была разница.

Шахта теперь звучала.

Не громко. Не как огромный механизм. Скорее как место, внутри которого слишком много мелкого движения. Где-то капало. Где-то шуршало. Где-то по воде проходила рябь, хотя они стояли неподвижно. И под всем этим, очень глубоко, тянулся ритм, который он сначала принял за собственный пульс. Потом понял: нет. Это не он. Это что-то вроде внутреннего постукивания, будто далеко впереди кто-то пробует на прочность множество мелких точек разом.

— Вы это слышите? - спросил он.

— Да, - ответил священник.

— И что именно?

— Оно стало смелее.

Отличный, бесполезный ответ.

Они дошли до развилки. На левой стене действительно виднелись старые номера, выведенные когда-то белой краской. Некоторые уже расплылись от влаги, но цифра семь читалась

ясно. Рядом по кирпичу тянулись темные полосы, похожие на следы ладоней, только слишком длинные и частые.

— Сюда? - спросил детектив.

Священник кивнул.

Дальше тоннель уходил вниз сильнее. Вода стояла уже не лужами, а широкими зеркальными пятнами. Детектив шел осторожно, следя не только за полом, но и за боковыми стенами. И очень быстро понял, что делать это одновременно почти невозможно. Вода притягивала взгляд не из-за магии. Из-за логики. Любой мозг пытается проверить отражение, когда пространство начинает врать углами. Проверить, совпадает ли мир с самим собой. И именно в этом было мерзкое изящество здешней ловушки.

Они прошли мимо старой вагонетки, наполовину вросшей колесами в грязь. За ней открылось пространство, которое когда-то, видимо, было технической камерой или узлом. Потолок выше, стены шире, следы обрушения по углам. И там уже пахло откровенно.

Не просто тухлым мясом. Неправильной влажной анатомией.

Он посветил вперед и сразу увидел первую птицу. Потом вторую. Потом еще.

Не трупы в обычном смысле. Фрагменты. Перья, кости, открытые грудные клетки, связки шей, тонкие лапки, застрявшие в щелях между камнями. Все это лежало не беспорядочно, а как будто было оттеснено к стенам чем-то более крупным, уже не нуждающимся в старом материале.

— Здесь вы были? - спросил он.

— Нет. Дальше.

Это не понравилось ему сразу. Если священник здесь не был, значит, раньше он ушел раньше. Значит, самую неприятную часть они увидят впервые оба. Один без опыта, второй без возможности притворяться, что знает маршрут.

На правой стене что-то блеснуло.

Детектив машинально повернул луч и тут же остановил себя. В кирпич был вмазан кусок стекла. Небольшой, неправильной формы. Может, осколок старой лампы или зеркала. В нем на долю секунды успело мелькнуть нечто длинное и светлое, будто за их спинами в проходе кто-то стоял на слишком многих тонких ногах. Он сразу отвел взгляд.

Священник заметил это.

— Дальше только прямо, - сказал он. - Не смотреть по сторонам, если начнет звать.

— Оно уже звало.

— Это было снаружи. Здесь будет точнее.

Как же он его ненавидел за эту сухость.

Они прошли еще метров двадцать, и тоннель неожиданно сузился, а потом открылся в другую камеру. Ниже. Сырее. И вот там он наконец увидел, почему Лера говорила о стенах как о зубах.

Порода с обеих сторон шла рваными белесыми выступами, будто камень здесь когда-то лопнул не естественно, а изнутри, и с тех пор так и остался в напряжении. Между этими выступами чернели щели, похожие на десны. А под ногами шла вязкая мокрая глина, вся в следах.

Он присел.

Следы были невозможные.

Не лапы. Не ботинки. Не полозья. Слишком много отпечатков, наложенных друг на друга, как будто через эту узкую горловину что-то протаскивало себя, постоянно ошибаясь, куда ставить следующую точку опоры. Здесь же валялись клочья перьев, серые волосы, обрывки ткани и что-то белое, тонкое, с человеческой гладкостью.

Он посветил ближе.

Палец.

Маленький.

С ногтем в остатках грязи.

Он застыл на секунду, не потому что испугался, а потому что организм иногда требует короткой паузы, чтобы мозг не развалился раньше времени.

— Не трогайте пока, - сказал священник очень тихо.

— Вы, сука, сейчас серьезно?

— Серьезнее некуда. Если это там не одно, а часть, вы не захотите понять это руками.

Он хотел ответить, но в этот момент откуда-то спереди, из-за следующего изгиба, донесся звук.

Сначала один щелчок. Потом еще. Потом целая сухая россыпь, как будто множество мелких суставов одновременно пробовали движение в тесном коробе.

Священник выключил фонарь.

— Что вы делаете?

— Тоже выключите.

— Нет.

— Тогда оно увидит вас раньше, чем вы его.

Это было уже не советом. Голос у него впервые стал резче, и детектив послушался раньше, чем успел это осознать. Свет погас. Их накрыла такая темнота, в которой мозг сначала не верит своим глазам, а потом начинает лихорадочно изобретать недостающие очертания.

Звук приближался.

Щелчок. Шорох. Мокрое трение. Потом пауза. Потом снова.

Оно не бежало. Не кралось. Оно пробовало пространство. Как слепой механизм, который проверяет, сколько в проходе осталось чужого тепла.

Детектив чувствовал свое сердце, дыхание, вес пистолета, влажный воздух на лице. И за всем этим вдруг появилось еще одно ощущение, очень старое и очень знакомое. То, которое приходило в моменты, когда реальность чуть-чуть расступалась и становилось ясно, что она вообще не обязана быть устойчивой. Не клиническое. Хуже. Почти профессиональное узнавание.

Шорох замер совсем близко.

И в этой темноте что-то тихо, почти заинтересованно вдохнуло.

Не носом. Не ртом. Каким-то другим способом. Как будто само присутствие было для него запахом.

Священник рядом не двигался.

Потом, очень медленно, он коснулся рукава детектива и едва заметно потянул назад.

Они отступили на шаг. Еще на шаг. Щелчки не последовали за ними сразу. Только спустя несколько секунд. И снова чуть ближе.

Тогда из темноты впереди, детским голосом, без интонации, почти без дыхания, прозвучало:

— Я почти.

Священник резко дернул его в сторону, к стене, и в ту же секунду в том месте, где они стояли, по воздуху прошло что-то длинное, быстрое, влажное. Не удар даже. Скорее слепой рывок множества частей в одну точку.

Детектив включил фонарь рефлекторно.

Свет полоснул по проходу и успел выхватить только фрагмент.

Нечто многосуставчатое, длинное, белесое в местах, где должны были быть кости, и темное между ними, как будто натянутое чужой кожей. На одном сегменте висело птичье крыло. На другом что-то, слишком похожее на человеческое плечо. И все это сразу же скрылось за изгибом, не убегая, а как будто собираясь обратно в узкую щель, где пространства было меньше, чем требовалось его длине.

Но он успел увидеть еще одно.

Лицо.

Не целое. Не на месте. Просто часть детского лица, закрепленная сбоку, где у существа, видимо, сейчас была неудачная голова. И глаз в этой половине лица был открыт.

Не мертвый. Хуже.

Используемый.

Детектив выстрелил один раз.

Выстрел в шахте ударил по ушам так, что мир на секунду рассыпался в белый шум. Что-то впереди дернулось, из темноты вылетел сноп мелкой каменной крошки, и сразу после этого раздался звук, который он не забудет уже никогда. Не крик. Не визг. Скорее множество голосов, разом лишенных согласия в том, чем им быть. Детский, птичий, влажный, хриплый. И под ними главный звук, низкий, злой, почти оскорбленный.

— Назад! - крикнул священник.

Теперь уже не было смысла притворяться хладнокровными. Они пошли обратно быстро, почти бегом, светя перед собой и под ноги. За спиной слышалось движение. Не погоня в прямом смысле. Скорее страшно обрадованная возня, как если бы существо после выстрела вдруг решило, что игра стала настоящей.

У камеры с вагонеткой детектив поскользнулся на мокром камне и ударился плечом о стену. Фонарь дернулся, луч проскочил по луже, и в отражении он успел увидеть, как за ними по потолку движется что-то длинное, многоточечное, не помещающееся в человеческую походку. Он отвел взгляд сразу, но поздно. Образ уже вошел.

Священник остановился у развилки, выхватил из кармана что-то и швырнул в узкий проход позади.

Сначала детектив не понял, что именно. Просто небольшой темный предмет, завернутый в ткань. Упал в воду, ударился о камень, и на секунду все вокруг изменилось. Не светом. Не звуком. Пространство будто дернулось, словно кто-то неудачно тронул внутренний слой шахты. Из боковых луж рябь пошла не кругами, а к центру. Шорох за спиной сбился. Существо остановилось.

— Что это было? - выдохнул детектив.

— Не сейчас!

Они выбрались к верхнему тоннелю почти на автомате. На последних метрах уже слышали внешний ветер, далекий собачий лай, обычный дневной воздух. Когда детектив вылез наружу и встал на колени в мокрой траве, его трясло не от паники, а от слишком резкого возвращения в нормальную геометрию. Небо, пустырь, техникум, ржавые гаражи. Все это выглядело почти оскорбительно простым после того, что он только что видел.

Священник выбрался следом. На правом рукаве рясы темнело мокрое пятно. Кровь или грязь, сразу не понять. Лицо было бледнее обычного, но глаза оставались ясными.

— Что вы бросили туда? - спросил детектив.

Священник молчал пару секунд, восстанавливая дыхание.

— Приманку.

— Какую именно?

— Ту, что заставила его остановиться.

— Конкретнее.

— Не сейчас.

Он шагнул к нему ближе.

— Вы сейчас либо объясняете, что таскаете с собой вещи, на которые эта дрянь реагирует как собака на свист, либо я ломаю вам челюсть прямо на этом грязном пустыре.

Священник посмотрел на него почти устало.

— Тогда вам придется делать это быстро. Потому что оно слышало выстрел, запомнило вас и теперь будет пробовать чаще.

Сказать, что это не ответ, было бы слишком мягко.

Детектив уже открыл рот, чтобы сорваться окончательно, когда телефон в кармане завибрировал.

Он достал его резко.

Софья.

— Да.

Голос у нее был быстрый, сбитый, но собранный.

— Я нашла мальчика. Не Леху. Другого. Он видел Леру перед исчезновением. И еще... у нас тут проблема.

— Какая?

— В школе опять дети. Подвал. Они сидят там кругом и что-то делают с мертвой птицей. Учительница говорит, не может их вытащить. Я уже еду туда.

Он посмотрел на священника. Тот понял все по лицу раньше, чем услышал.

— Не спускайтесь туда одна, - сказал детектив в трубку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.